

АЛЕССАНДРО ПИККОЛОМИНИ

ПОСТОЯНСТВО В ЛЮБВИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Испанец и пролог.

Мессер Джаннино, он же Иоандр, сын Педрантонио.

Верджилио, слуга мессера Джаннино.

Мессер Лигдонио Караффи, поэт.

Панцана, слуга мессера Лигдонио.

Сгвацца, прихлебатель.

Гульельмо, старик, он же Педрантонио из Кастилии.

Аньолетта, служанка маэстро Гвичхардо, врача.

Мессер Консальво, брат Педрантонио.

Росадес, слуга мессера Консальво.

Корсетто, солдат.

Ферранте ди Сельваджо, под именем Лоренцино,
слуга Гульельмо.

Маркетто, слуга Гульельмо.

Лючия, служанка Гульельмо.

Корнаккья, повар мессера Джаннино.

Маргарита, дочь маэстро Гвичхардо.

Маэстро Гвичхардо Паллети, врач.

Синьор Роберто, придворный князя Салернского.

Латтанцио Корбини.

Братья Латтанцио.

Мессер Иоханн, немецкий школяр.

Мессер Луис, испанский школяр.

Керубино, монах.

Лукреция, она же Джиневра, дочь Педрантонио.

Паж.

ИСПАНЕЦ и ПРОЛОГ

Испанец (*говорит по-испански*). Что за диво? Откуда все это убранство, дома, благородные синьоры в сопровождении знатных дам и юных дев, столь милых взору? Что вознамерились они представить? Здесь все так ладно и пригоже. Будь я проклят, как расторопны эти итальянцы и как изрядно понаторели они в мирских делах! Не худо было бы повстречать кого-то, кто раскрыл бы мне, в чем тут хитрость. Чу! Кажется, тот самый случай... Сюда идет какой-то малый. Что за хламиду он напялил? Никак в толк не возьму: то ли пророк передо мной, то ль патриарх? Подойду-ка к нему. День добрый, сударь. Не будет ли так любезна ваша милость открыть мне, с кем имею честь? Вы часом не пророк? А может, патриарх?

Пролог. Прошу покорнейше прощенья, сударь. Вы не вполне учтивы, коль скоро не желаете присоединиться к остальным и предоставить сцену в наше распоряженье.

Испанец. Признаться, я изумлен. Извольте наперед растолковать, в чем здесь дело. А уж потом уйду охотно.

Пролог. Чутьочку терпенья: вы все узнаете вместе с остальными. Соблаговолите же сойти с подмостков и не препятствовать началу представленья.

Испанец. Скажите, ваша милость, честь по чести: вы христианин? Что это на вас за платье?

Пролог. Довольно будет с вас того, что я не гишпанец. Ишь куда клонит!

Испанец. Именем императора заклинаю вас, откройте, что означают сии приготовленья?

Пролог. Вот навязался на мою голову! Отвечу в двух словах; но уж потом извольте удалиться. Здесь разыграется комедия.

Испанец. Комедия? Черт подери, мне это по душе. Рад буду посмотреть. Но как уразуметь, что тут к чему, коли прежде не услышать предысторию? Посему прошу вас, ваша милость, поведать мне о ней.

Пролог. Что верно, то верно: без предыстории нам не ступить и шагу. Я для того сюда и явился, чтоб расписать милейшим дамам все как есть. Ежели достанет вам долготерпенья, вы поймете все сполна.

Испанец. Молю, ваша милость, не томите. А дам прелестных усладить сумеете потом, по собственному разуменью.

Пролог. Что ж, я готов охотно, да только гишпанское наречье мне не ведомо.

Испанец. Не беда, итальянский слог знакомый мне изрядно.

Пролог. Коль смекаете по-нашему, то купно с остальными изготовьтесь слушать; нам не понадобится много слов.

Испанец. Признаться, сударь, безупречно вашей речью я не владею и что не ясно будет — переспрошу.

Пролог. Любезнейшие дамы, принужден уболагодворить сего господина — не то от него нам нынче не отделаться. Впрочем, подметьте, милостивые государины, что онный господин еще сослужит вам добрую службу. На мое несчастье, моя задумка — побеседовать с вами с глазу на глаз — не удалась. Ну да невелика беда — отложим до другого раза.

Испанец. Сделайте милость, а уж потом распоряжайтесь мною как угодно. Я все исполню, слово дворянина.

Пролог. Идет! Это мне по нраву. Знайте ж, перво-наперво, что город сей зовется Пиза.

Испанец. Пиза? Продолжайте вашу повесть; вас прерву, ежели смысл станет смутен.

Пролог. Так и учиним. Вот вам мой рассказ. Лета двадцать второго здравствовали в Кастилии два брата: мессер Консальво, отродясь не имевший ни жены, ни потомства, и Педрантонио, у коего было двое единокровных детей семи лет. Девицу нарекли Джиневрой; мальчонке дали имя Иоандр. Едва последнему стукнуло семь годков, отец отправил его в римскую курию, где Иоандр

пожалован был местом пажа при кардинале Медичи, ставшем впоследствии папой Климентом.

Испанец. Вы утверждаете, будто в году двадцать втором живали в Кастилии два брата: мессер Гонсальво, бездетный холостяк, и Педрантонио, имевший двух деток семи годов — Хиневру и Хуандоро, каковой оказался при дворе папы Климента, бывшего в ту пору покуда кардиналом?

Пролог. Точно так. Спустя малое время после отсылки отпрыска в Рим Педрантонио объявили в Кастилии мятежником и обвинили в невесть каких проступках, по причинам, о коих прознаете чуть позже. Оставив дочь на попечении мессера Консальво, он тайно прибыл в Пизу, где здравствует и поныне вот в этом самом доме, под именем Гульельмо да Виллафранка.

Испанец. Постой, не гони так скоро. Итак, Педрантонио отправил своего мальчонку в Рим, а сам указом тяжким был оглашен бунтовщиком; доверив дочку мессеру Гонсальво, добрался скрытно в Пизу и пребывает здесь под мнимым именем Гульельмо, что из Виллафранки?

Пролог. Ваша правда. Так вот, Джиневра, находясь на попечении дядюшки в Кастилии, тринадцати годков от роду воспылала страстью к некоему Ферранте ди Сельваджо. Юный Ферранте также был без ума от девицы. Но вытребовать в жены у мессера Консальво ее не мог. Тогда влюбленные обвенчались тайком и, сев на суденышко, бежали, взяв курс на Италию. Не успели они войти в итальянские моря, как на них напали сарацинские пираты и взяли их в плен. Однако вскоре Джиневру вызволили силой лилиманцы — благородные рыцари ордена Лилии, каковые пожаловали девицу в дар сказанному Гульельмо, с коим водили крепкую дружбу. Гульельмо же, как я поминал, — ее родной отец. Так, ничего не ведая друг о друге, они жили и живут по сей день. В неволе у сарацинов Джиневра, недолго думая, нареклась Лукрецией да Валенсия, по причинам, о коих услышите от нее самой.

Испанец. Посмотрим, ваша милость, так ли уяснил. Тринадцати годов от роду Хиневра влюбилась в Кастилии в некоего Феррантоса де Сальвайо; тот взаимно увлекся ею. Поскольку мессер Гонсальво не дал согласье на их супружество, молодые венчались втайне и бежали морским путем из Кастилии. Вслед за тем

Хиневру отбили какие-то «англичанцы», милостиво уступившие девицу сему Гульельмо, их доброму другу и ея отцу. Так и живут они вместе, не признав друг дружку, ибо в сарацинской неволе Хиневра взяла имя Лукреции ди Валенсия. Я верно уразумел?

П р о л о г. Превосходно. Но худшая судьба постигла Ферранте. Его запродали в Тунис какому-то богатей, у коего среди прочих невольников томился некий Паволо Валори, флорентиец; с ним Ферранте крепко сдружился. В неволе он пребывал до взятия Туниса в году прошедшем, после чего, вкупе с тысячами прочих рабов, обрел свободу. Паволо прихватил Ферранте с собой во Флоренцию и подыскал ему достойное место в гвардии.

И с п а н е ц. Погодите. Ферранте продан был в Тунис и там сдружился с рабом из Флоренции. Когда ж Тунис освободили, а с ним освободили и всех рабов, отправился с флорентийцем во Флоренцию и поступил на службу в гвардию.

П р о л о г. Вы на диво наловчились в нашем языке. Так вот, после оных передряг приехал как-то раз Ферранте со товарищами в Пизу поразвлечься; и тут возьми да и заприметь в окошке дома, где живет Гульельмо, свою Джиневру. Смекнув, однако, что та его не признает по причине бороды, которую он отпустил в Тунисе, Ферранте решился взять другое имя и наняться в услужение к Гульельмо, дабы прознать, не забыла ли о нем Джиневра и не отдала ли сердце кому еще. Так вот, под прозвищем Лоренцино, почитай два месяца он служит в доме Гульельмо.

И с п а н е ц. Ваша милость сказывает, будто, прибив в Пизу забавы ради, Ферранте признал свою Хиневру, но ею признан не был; и будто, сменив имя на Лоренцино, к Гульельмо нанялся он слугой, чтоб половчее выведать сердечную склонность девицы, а заодно прознать, помнит ли та о нем. Прошу покорно, скажите, что случилось с Хуандоро, который семи годов пожалован в пажи при папе Клименте, бывшем в ту пору кардиналом?

П р о л о г. Всему свой срок. В скором времени, как часто это бывает у нас в Италии, где старые добрые имена износились и вырождаются, Иоандр получил в курии имя мессера Джаннино. У господина своего он пребывал в такой милости, что тот не раз жаловал его

богатыми дарами и привечал бы пуще того, когда бы наш мессер вовсе не оставил службу. На обратном пути его святейшества из Марселя мессер Джаннино пожелал проследовать через Пизу, чтобы взглянуть на сей славный город, и по уши влюбился в Лукрецию, не признав в ней собственной сестрицы Джиневры. Застряв в Пизе из-за своей зазнобы, он так воспылал к ней любовным чувством, что покинул его святейшество и остался в городе под тем предлогом, что намерен-де всерьез заняться науками. Чтобы добиться своего, он употребил всевозможные способы. Но все впустую. А поселился он вот в этом доме.

Испанец. О, сколь мне по нраву сия история! Дале вы утверждаете, будто Хуандоро, прослышавший в курии мессером Джаннино, был в милости у своего господина; по пути же его святейшества из Марселя оказался в Пизе и без памяти влюбился в Хиневру, не распознав в ней сестры. Одурманенный пылкой страстью, он поселился в этом доме с единственной мечтой обладать своей избранницей. Да только проку с этого ему покамест никакого, ибо она-то будто его и не замечает.

Пролог. Все верно.

Испанец. А этот дом кому принадлежит?

Пролог. Некому маэстро Гвиччардо, врачу. Есть у него единственная дочка, Маргарита, которая сгорает от любви к мессеру Джаннино; он же на дух ее не переносит.

Испанец. Стало быть, вы уверяете, что дочь маэстро Гиссардо врезалась в мессера Джаннино, а тот ее терпеть не может?

Пролог. Истинно так. Вот в точности как обстоят дела на нынешний день. Ну а что из этого выйдет, увидите сами.

Испанец. Премудра и тонка сия история. Откройте же имя ее сочинителя. Может, это плод трудов божественного Пьетро Аретино?

Пролог. Нет, не его, но одного из тех, кто входит в Академию, пребывающую в Сиене вот уж который год.

Испанец. Как именуется сия Академия?

Пролог. Академия «Оглушенных».

Испанец. «Оглушенных»? Почтенная эта Академия славима по всей Испании: молва о ней докатилась до самого императора. О, я был бы на седьмом небе от сча-

ствия, когда бы попал в ее лоно! Коль захотите облагодетельствовать вашего покорного слугу до конца его дней, примите и меня в свой союз!

Пролог. Ежели изъявите готовность блюсти наши правила, клянусь честью, с охотою бы вам споспешествовал, иначе нет нужды и разговор заводить.

Испанец. Что же это за правила?

Пролог. Они немногочисленны: всечасно прилагать старание к тому, чтоб мир представить таким, каков он есть; душой и телом быть преданным слугою прелестных дам и, к вящему их удовольствию, разыгрывать иной раз всевозможные комедии и разные прочие потехи, дабы уверить их в нашей совершенной преданности.

Испанец. Ваши правила, сударь, мне весьма по сердцу. И посему заклинаю вас именем императора оказать мне великую честь и принять в плеяду «Оглушенных», ибо готов следовать всем означенным правилам. А ежели могу быть чем полезен для вашей комедии — повелевайте, с охотой все исполню.

Пролог. Полезен? Черт побери, еще бы! Нам позарез недостает подходящего капитана. А вы как раз годитесь!

Испанец. Так точно! Да и утруждать себя особо мне не придется, ведь одно время я и впрямь был капитаном.

Пролог. В таком случае проходите, я поспешу вам вслед, а до тех пор перемолвлюсь кое о чем с нашими дамами.

Испанец. О, как любя мне вся эта затея! Пойду, не мешкая!

Пролог. Любезнейшие дамы, поскольку я потратил уйму времени на этого гишпанца, не стану вдаваться в те премудрости, о коих нынче намерен был с вами потолковать. Скажу лишь, что «Оглушенные» преданы вам, как никогда, и всеми своими достоинствами обязаны единственно вам; и с каждым днем яснее видят, что без вас их дело худо, ибо на всем белом свете не сыщется никого, кто был бы для них нужнее вас. Посему они нижайше просят вас благосклонно отнестись к этой комедии, ибо все в ваших руках: ежели отдадите предпочтение присутствующим здесь кавалерам, то и наша комедия пройдет нечувствительно, но ежели, напротив, предпочтете нас и одарите нас своим

вниманием, все остальные пойдут по вашим стопам. Душевно просим вас, любезнейшие дамы, не пренебречь нами. Мы предстанем перед вами по первому вашему зову и уж в грязь лицом не ударим. А в награду за эту вашу благосклонность мы беремся преподать в нашей комедии урок того, как постоянство в любви (отсюда и название комедии) всенепременно ведет к счастливой развязке и как глубоко заблуждаются те, кто предаются любовным излишествам, ибо сострадательнейший бог Амур никогда не оставляет преданных ему слуг. Полагаю, этого довольно. Когда же злые языки, желая, по обыкновению, опорочить нашу комедию, станут дивиться, как это действующие в ней гишпанцы вдруг заговорили на тосканский манер, ответствуйте им, что продолжительная наша беседа обучила их не только тосканскому наречью, но и много чему еще. Прощайте.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мессер Джаннино, молодой человек, и Верджилио, слуга.

Мессер Джаннино. Сказано тебе, Верджилио: хоть в лепешку расшибись, а дело это сладь. Разыщи Маркетто и выведай, соизволила эта неблагодарная Лукреция принять ожерелье или, отвергнув его, как и прочие мои дары, упрямо желает моей смерти.

Верджилио. Хозяин, Маркетто мне так приговаривает: жди тут от слов проку — много толков, да мало толку. И то верно: склонить Лукрецию к замужеству или к чему такому еще — пустая затея. И не подумайте, будто Маркетто замыслил сорвать с этого изрядный куш, Боже упаси. Уж ему-то в преданности и усердии никак не откажешь. Только все одно ничегошеньки у нас из этого не выгорит.

Мессер Джаннино. О Боже! Воистину она заслуживает звания самого неблагодарного и жестокого создания на свете! Почитай уж три года, как маюсь я в Пизе по ее милости, но не могу похвастаться, что она хоть раз приняла мои подношения, или выслушала моих поручителей, или удостоила меня хотя бы взглядом, в коем не сверкали бы гнев и жестокосердие. Я же, сколько помню, не содеял ничего такого, что заслуживало бы подобного обхождения.

Верджилио. Вы ослеплены вашей страстью, хозяин. Мужчинам вечно мнится, коли их чувство остается без ответа, что они вправе виноватить женщин в неблагодарности. Меж тем женщины, равно как и

мужчины, вольны влюбляться в тех, кто им милее. И не след здесь твердить о жестокосердии. Скажите на милость: разве не потому любите вы Лукрецию, что вам самому это по сердцу. Когда же вы не глянулись ей, отчего должна она любить вас вопреки своей воле?

Мессер Джаннино. Отчего, говоришь? Да оттого, что только неблагодарным созданиям впору не замечать содеянного ради них блага. А что может быть большим благом, чем та преданность, коей крепка моя любовь?

Верджилло. Но разве сравнить ее с той преданностью и любовью, что питает к вам Маргарита, дочь маэстро Гвичхардо? Однако вы не только не помышляете сжалиться над ней, но и отпускаете всякие грубости тем, кто обращается к вам от ее имени.

Мессер Джаннино. Прежде чем эта твоя Маргарита воспылала ко мне чувством, я уж всецело отдал свое сердце Лукреции, и в нем не осталось места для другой.

Верджилло. Как знать, может статья, и Лукреция, до того как вы прониклись к ней страстью, прикипела сердцем к другому, да так, что вам и не снилось.

Мессер Джаннино. Коли Всевышнему будет угодно уподобить мою любовь любви всех прочих, кто возжелал Лукрецию, то ему равных моей Лукреции не сыскать! Я в этом ничуть не сомневаюсь.

Верджилло. Вам видней, хозяин. Что до меня, то я не однажды выказывал готовность расстараться всюю, стоит вам только приказать. И на сей раз не подведу: уж будьте покойны. Однако, как преданный слуга, молю вас об одном: дозвольте мнение свое на сей предмет выразить без утайки.

Мессер Джаннино. Да я наперед знаю, что ты выведешь. Вестимо дело. Только не стоит понапрасну огород городить, ибо, кроме как о Лукреции, я и слышать ни о ком не желаю.

Верджилло. Что верно, то верно. Правда, нынче охота мне потолковать с вами пообстоятельнее, дабы раз и навсегда излить перед вами душу.

Мессер Джаннино. Сказывай.

Верджилло. Как раскину я умом, хозяин, сколь благоприятствовала вам фортуна с того самого дня, когда покинули вы отчий дом (по воле батюшки вашего,

Педрантонио, отправившего вас семи лет от роду со мной, недостойным, в Рим, познать папский двор), особливо же при папе Клименте, так у меня аж кошки на душе скребут — потому негоже вам было оставлять его святейшество на обратном пути из Марселя. И ради кого? Той, которая все эти три года, что обретаетесь из-за нее в Пизе, ни разу не приветила вас и вдобавок так перекроила, что напрочь запамятовали вы о своем горячем желании в ту пору, когда все у вас было ладно, да гладко, повидать родимую сторонку, батюшку вашего и других сородичей. Ныне от бывшего хотенья не осталось и следа.

М е с с е р Д ж а н н и о. Полно скуку-то нагонять.

В е р д ж и л и о. Кому скука, а кому наука. Кабы службу свою справляли честь по чести да проводили в последний путь его святейшество — тому, почитай, как два годка минуло, — уж тогда, при всей его благосклонности к вам и милостях, коими он вас одаривал, наверное воздалось бы нам сторицей. Да и после того, как его святейшество почил в Бозе, при новом папе Павле, ей-ей, заняли бы вы приличествующее вам положение.

М е с с е р Д ж а н н и о. Чего воду в ступе толочь: бывшего уж не вернуть.

В е р д ж и л и о. Это еще как повернуть: прошлого урок — будущему впрок. Однако всего разумнее вам было бы стряхнуть с себя эту скверну, замаравшую ваше благородное сердце, и возвернуться себе в Рим: с такими прибýtками самое время зажить сообразно вашему достоинству — знаться с именитыми людьми и вновь попытать счастья и удачи, — чай, не совсем она еще от вас отвернулась. А пуще всего — твердо положить себе принять сан священника, уже безо всяких сомнений; и оставить жен тем, кому без них невоготу, ибо что ни говори, а самая покойная, вольная и благодатная жизнь есть жизнь вашего брата священника, и расцветать ей день ото дня, ежели не станет чинить препятствий церковный собор. Когда же и впредь вас будет одолевать сердечная склонность, то где-где, а в Риме предостаточно женщин, коим ваша Лукреция и в подметки не годится. С них вы будете медовые пенки снимать, а другие только слюнки пускать. Кому, как не вам, должно быть ведомо, что женские ласки да лобзания, объятия да сладкие речи и всякие там телячьи нежности перепадают любому священнику; а все

издержки да попреки, грубости да оскорбления, хлопоты да измены сваливаются на головы законных мужей. Право дело, плюньте вы на это, не печалуйтесь о жене; если так уж приспичило, то не пристало вам искать ее в чужой стороне: воротитесь-ка лучше в родные края. Ну а коль порешите непременно обзакониться в Пизе, то, поверьте, не сыскать вам лучшей супруги, чем дочка маэстро Гвиччардо: она и благородных кровей, и годов ей всего семнадцать; отец в ней души не чает и уж не постоит за приданым для единственной-то наследницы; а денег у него — куры не клюют! Дочка так в вас втрескалась, что прямо диву даешься. Папаша, поди, уж вам все уши прожужжал. А Лукреция? Перво-наперво, ей за двадцать перевалило; опять же, она не дочь, а простая служанка Гульельмо, — стало быть, безо всякого приданого; ну а до чего она вас ненавидит, вам лучше знать. Ах, мессер Джаннино! Будьте наконец благоразумны: коли она не желает вас, не возжелайте и вы ее, не роняйте своего достоинства, помните о своих летах, благолепии и прочих добродетелях, за кои несметное число женщин, превосходящих ее во сто крат, с благодарностью отдали бы вам свое сердце. Собраться с духом — вот чего вам покуда не хватает, однако стоит вам только пожелать...

Мессер Джаннино. До чего опостытели все эти доброхоты! Вечно они тут как тут, лезут со своими никчемными советами о том, чего сами толком не разумеют и чего отродясь не вкусили! Кабы ведал ты, Верджилио, сколь мало мне проку от всякой другой женщины или всего прочего на этом свете, клянусь Всевышним, ты не стал бы сотрясать воздух своими речами. Заруби себе на носу: явись передо мной хоть какие ни на есть красавицы, они все одно для меня не стоят и мизинца Лукреции. И ежели ты впрямь так печешься о моем здравии, как говоришь, прошу тебя, побереги свои советы на лучшие времена и помоги хозяину, ибо без твоей подмоги я чувствую, как из меня убывают все жизненные соки, и напрасно будешь потом убиваться: вот, мол, как ни старался, а все ж не уберег хозяина от смерти.

Верджилио. Не потому я этот разговор завел, что духу у меня не хватит — покуда еще есть силушки с усердием исполнить любое ваше желание; а потому, что уверен: пройдет немного времени, и, коли оженитесь со

своей зазнобою, сами признаете свой промах — только поздно будет раскаиваться. А посему, как я есть преданный вам слуга, хочу для душевного спокойствия загодя обо всем предупредить.

Мессер Джаннино. Будь что будет: это уж не твоя печаль. Ты же действуй по моей указке: сыщи Маркетто и прознай у него все новости. Я тем временем отстою мессу в храме Святого Мартина, ибо тамошние монахини рано начинают службу. Так что найдешь меня или там, или в лавке у Гвидо, золотых дел мастера. Встретишь Сгваццу, передай ему, где я: он обещал нынче утром основательно потолковать с Гульельмо и уломать старика выдать за меня Лукрецию, ибо без согласия Гульельмо все наши старания — напрасный труд.

Верджилио. Все исполню, даже и не сомневайтесь.

Мессер Джаннино. Ступай, да смотри не своевольничай, ибо, думая, что поступаешь мне во благо, на самом деле уготовишь своему хозяину верную гибель.

Верджилио. Можете не тревожиться. Главное, не сетуйте потом, будто я вас не предупреждал.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Верджилио, один.

Верджилио. Эх, бедолага у меня хозяин! Ну и попал в переplet! Коли сладится эта свадьба, то не пройдет и двух месяцев, как он проклянет все на свете; а коли не сладится — ясное дело, распрощается с жизнью. Я и то дивлюсь, как он еще до сих пор ноги не протянул, при таком-то житье: почитай уж три года мается. Исхудал точно щепка, целыми днями стенает да жалится; как запала в его головушку эта нелепица, так и точит его, так и точит. Ночью хорошо, если на часок прикорнет, да и то, глядишь, замечется, замечется — проснется и кличет меня: «Верджилио, подойди, утешь, не дай умереть». А заговоришь с ним про его-то оплошки, так сами видели, что услышишь в ответ. Одному Богу известно, какие муки душевные я испытываю, когда вижу, что мой хозяин, красавец, обходитель-

ный, ученый, всеми уважаемый в курии, подающий этикие надежды, должен переводить лучшие свои годы, волочась за какой-то бабенкой, которой, похоже, он так же надобен, как собаке пятая нога. О женщины (о неблагодарных речь веду), скольких бед вы причина! Воистину, вы заслуживаете сурового отщепенства за вашу неблагодарность! Нет худшей кары по вашим грехам, чем заставить вас хоть однажды испробовать тот пыл любви, что сдает бедного моего хозяина, да так, чтоб и вы, при вашем-то взбалмошном нраве, не вызвали к себе сострадания. Вот уж когда поубавилось бы у вас спеси и гордыни. Однако не стану боле терять время и отправлюсь на поиски Маркетто. В этот час он, поди, слоняется где-нибудь на площади.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мессер Лигдонио, поэт, и Панцана, слуга.

Мессер Лигдонио. Будь ты неладен, Панцана! Вечно я должен упреждать тебя о всякой мелочи. Сам же ты ни о чем не смекаешь!

Панцана. Кто бы мог подумать, что мой смех вызовет у вас такое неудовольствие, ведь, по правде говоря, вчера вечером вы сморозили порядочную чушь!

Мессер Лигдонио. Много ты понимаешь! Не дело благовоспитанным слугам гоготать в присутствии господ, тем паче ежели с ними посторонние, особливо дамы, к коим я благоволю, как на вчерашнем вечере в доме маэстро Гвиччардо.

Панцана. Поди вас разбери!

Мессер Лигдонио. Это еще почему?

Панцана. Да потому, что нынче у вас одна, назавтра, глядишь, уже другая. Мне и на ум не пришло, что на той вечеринке могла быть ваша новая избранница: я-то, олух, помышлял, будто нынешняя ваша пассия — мадонна Кьострина.

Мессер Лигдонио. *Sapientis est mutare propositum*¹, дабы злые языки после всяческих домыслов на мой счет не докопались до истины и не указывали на меня пальцем.

---

¹ Мудрецам присуще менять решение (*лат.*).

П а н ц а н а. Будто вам есть чего бояться!

М е с с е р Л и г д о н и о. Вряд ли сыщешь ты другого человека, который владел бы собой так же, как я. Кабы читал ты «Эпистолы» Овидия и «Буколики» Вергилия, то ведал бы, что несть числа тем, кои из-за любви наложили на себя руки. Я же, напротив, влюбляюсь, когда случается охота, и дамскому сословию ни за что не дам взять себя в оборот. Ежели какая мне по нраву, так я и распалюсь к ней желанием; когда ж наскучит — подыщу что показистее. Оттого и снимаю с любви только сливки, а всякие вздохи да рыдания оставляю для простачков. Что ты на это скажешь? Чего это рот-то ладонью прикрыл?

П а н ц а н а. Нету мочи: меня так и распирает от хохота. Только из уважения к чужеземцам сдерживаюсь из последних сил.

М е с с е р Л и г д о н и о. Где это ты узрел чужеземцев?

П а н ц а н а. Да тут и узрел: вон их сколь!

М е с с е р Л и г д о н и о. Об этих не беспокойся. Хочи себе сколько влезет. Они-то в Сиене, а мы в Пизе.

П а н ц а н а. Ха-ха-ха!

М е с с е р Л и г д о н и о. Ну что ржешь как жеребец?

П а н ц а н а. Да уж шибко вы умны, коль скоро влюбляетесь единственно к своей выгоде. Как ни крути, а если хочешь, чтобы у тебя мозгов поприбавилось — держись поближе к ученым людям.

М е с с е р Л и г д о н и о. Так-то оно так, только ежели все делать через пень колоду, большого ума не наживешь. Гляди же, чтоб вчерашнее боле не повторялось. Да запомни хорошенько: попал со своим господином в приличное общество — будь учтив, держи язык за зубами, покуда не кликну, и делай вид, будто трепещешь предо мной. Когда же останемся наедине — сумасбродничай, балагурь, лобызай меня, стой хоть на голове, мне все одно.

П а н ц а н а. Ха-ха-ха! Ну уж дудки!

М е с с е р Л и г д о н и о. Что так?

П а н ц а н а. Как что? Я вас лобызну, а ну прознает про то ваша симпатия? Она ж меня раз в порошок сотрет. Лобызаться! Нашли дуралея!

М е с с е р Л и г д о н и о. Ха-ха-ха! Так уж она и поверила! Это я ради красного словца сказанул, дабы

ты уразумел, что с глазу на глаз я не стану перед тобой пыжиться.

П а н ц а н а. Коли так, скажите по секрету, которая из вчерашних дам глянулась вам пуще прочих?

М е с с е р Л и г д о н и о. Сие есть великая тайна. Но тебе, так и быть, откроюсь. Только смотри: никому ни слова.

П а н ц а н а. Могила.

М е с с е р Л и г д о н и о. Знай же, если имеешь охоту до конца изведать мою душу, что наипервейшим стремлением моей жизни всегда была не любовь, как ты воображаешь, но неодолимое желание жить на широкую ногу.

П а н ц а н а. Ха! И моей тоже! Вот те раз!

М е с с е р Л и г д о н и о. Клянусь тебе: чтобы разбогатеть, я не погнушаюсь даже принять сан священника и сей же час пойти под венец — лишь бы потуже набить мошну. Раскроюсь как на духу: надумал я взять в жены Маргариту, дочку маэстро Гвиччардо. Других детей у него нет, и она — единственная законная наследница всех его богатств. Главное, чтоб я пришелся им ко двору. Но полагаю, за этим дело не станет, поскольку маэстро Гвиччардо и Гульельмо да Виллафранка — друзья не разлей вода; а этот Гульельмо после того, как его выкинули из Испании, прибыл в Пизу, поселился рядом с моим домом и так сошелся со мной, что готов ради меня на все. Нынче утром я переговорил с ним. Он дал обещание сегодня же потолковать с маэстро Гвиччардо и помышляет, что дельце выгорит. Да и с чего ему не выгореть? Хоть я и не богат, но и не беден вовсе; к тому ж дворянин из рода Капуана и всеми уважаем, а о добродетелях моих и говорить не приходится. Я уж принялся ее обхаживать: пусть распалется помаленьку.

П а н ц а н а. Ловко задумано; со всех сторон кругло разочли. Разжиться на женитьбе!

М е с с е р Л и г д о н и о. А чтобы пуще завлечь ее, отправлю ей пару-тройку любовных посланий: их начеркает мне в лучшем виде маэстро Бартоло, искусный писарь. В довершение всего, чтоб не было осечки, я подрядил самую что ни на есть ушлую сводню, которую собираюсь навестить до обеда.

П а н ц а н а. Как она зовется?

М е с с е р Л и г д о н и о. Звать ее мона Бьонда.

П а н ц а н а. Ха-ха! Да эту мону Бьонду знает

каждая собака: мастерица на все руки. Любое приворотное зелье или сонный порошок в два счета сотворит. Травница, каких свет не видывал, сущая ведьма, донельзя наловчилась в колдовских чарах. Пособляет шалым девицам выдавать себя за невинниц. И все ей нипочем, даже розги: дважды была сечена в Риме, а года три тому — мечена в Венеции. Но главное ее ремесло — сводничество. Тут ей равных нет: уж коль возьмется за дело — самого черта вокруг пальца обведет. И помните: стоит ей заговорить, так почудится вам, будто перед вами невинный ангел; только не верьте глазам своим — Святой Бригиттой тут и не пахнет. Зато про Библию да про деяния святых отцов до того сладкие речи заводит — ни дать ни взять проповедник-францисканец.

Мессер Лигдонио. Хм! Ее-то нам и надобно. Вот увидишь: не пройдет и дня, как я столкуюсь с Маргаритой, а покамест снеси-ка ей сей мадригалец. Штучка вышла недурственная, писано аккурат для нее. Вот послушай.

Панцана. Благодарствую, не надо. Верю вам на слово.

Мессер Лигдонио. Ты только послушай: «Мадонна...» Как бишь дальше... Да он у меня при себе.

Панцана. На кой прах вам столько бумажек?

Мессер Лигдонио. Дабы все видели мои труды. Есть среди них и стоящие вещицы. Вот сонет во славу стихотворцев. Это стансы в честь герцога Флорентийского: представляю, сколько мне за них отвалят. А это «Триумф Италии на прибытие императора». А, вот и он. «Мадонна, умереть готов я...» Нет, не то. Черт, да вот же он!

Мадонна, бранных слов моих поверьте страсти,
Ах, вашим образом я мучим и томим.
Рассветом сотни раз луч солнечный гоним,
Грядет позолотить, что видеть в вашей власти.
Аки отринутый, провижу я напасти,
Ревнивым стонам я навеки обречен.
И множу скорбь свою я день за днем.
Тем паче вас молю о милости небесной,
Аще всечасну песнь мою вам слышать лестно.

Панцана. Да-а! Всякое слыхивал, но такого! Эка жалость, что не обучен я стихоплетству!

Мессер Лигдонио. Это ты еще не уразумел всей тонкости сего стиха: ведь начальные-то буквы каждой строки составляют имя «Маргарита», точь-в-точь. Знал бы ты, сколько потов с меня сошло: попробуй присобачь к каждой строке по нужной буковке. Правда, есть тут одна закавыка, которую ты все одно не заметишь, раз ты не поэт. Ввернул я одно словечко — «ревнивый», да только оно не на тосканский лад. Взамен я полагаю сказать «ретивый».

Панцана. Что значит «не на тосканский лад»?

Мессер Лигдонио. А то, что оногo словца не найти в «Ста новеллах».

Панцана. А это еще что за фрукт?

Мессер Лигдонио. Сейчас видать, что в этих материях ты несмышленный. Ну да ладно. Ответь-ка лучше: как думаешь, по нраву придутся мои вирши Маргарите или нет?

Панцана. Как раздумаешь умом, так прямо волосы дыббм.

Мессер Лигдонио. Что-что?

Панцана. Не дал, говорю, Бог ума, так найдется сума.

Мессер Лигдонио. По моему крайнему разумению, стихотворство очень даже на женскую душу воздействие производит. Впрочем, не след сейчас досужные разговоры разводить. До начала обедни схожу проведу мону Бьонду. Ты же тем временем позаботься о трапезе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Панцана, один.

Панцана. Видали вы что-нибудь отвратнее? Полагаю, если бы природа замыслила породить другую такую тварь, вовек не опросталась бы этакой скотиной. Пару слов о том, каков он есть. Хозяин мой — пусто-звон, каких еще свет не видывал, обжора — полжизни отдаст за лакомый кусок, без свежего марципанчика не сядет и за стол, без телятинки и подавно, враль и хвастун неслыханный. Родом он из Неаполя, но уже который год не живет там из-за своего шалопутства. В Пизе он обосновался вместе с братом, проходившим здесь курс наук. Позже он прикупил дом и получил право

быть гражданином Пизы. Дни напролет он тратит на сочинительство всяких там сонетов да куплетов, окромя утра, каковое целиком уходит на утренний туалет: умывание, бритье, расчесывание, опрыскивание духами, копотливое выдергивание седых волосков, подкраску бороды. А баб у него — что собак нерезаных; меняет их чуть не каждый божий день. Одно слово — семь пятниц на неделе. Он даже не гнушается смешивать свои ароматы с потным запахом какой-нибудь вертихвостки служанки. Думаете, по молодости лет все это ему можно скостить? Как бы не так: по меньшей мере лет сорок восемь отсиживает он зад. Но стоит вам полубопытствовать на сей предмет — уверен, ответит без запинки, что в этом месяце стукнет ему лет двадцать девять или около того. Вот вернется — спросите и уверитесь сами. А промышляет он тем, что ублажает дам да кропает стишки. И уж поверьте моему слову, вам не встречался еще такой зануда: где бы он ни был, рта никому не даст раскрыть, балаболит без умолку. Своими глазами видел, как иные дамы прямо-таки испариной покрывались, не чая поскорее от него избавиться. Как приметит вас где-нибудь, так первым делом выхватывает из кармана захудалый сонетишко иль канцонетку, такие, будто их не пером писали, а топором стяпали. Уж вы слышали тому образчик. Теперь вот, сверх всего прочего, вздумалось этому остолопу жениться. Но я-то верно знаю, что маэстро Гвичхардо ни в жизнь не выдаст за него дочку! Вот увидите: рано или поздно он вышвырнет его за порог. И поделом. Счастливо оставаться.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гульельмо, старик, один.

Гульельмо. «Не откладывая на завтра то, что можешь сделать сегодня» — говаривал мой батюшка, когда состоял при дворе герцога Валентино. Словом, мне подвернулся преудобный случай, и я не намерен его упускать. Все эти двенадцать лет, что нахожусь в изгнании и слышу на родине мятежником, я всячески пытаюсь отыскать надежного человека, коему смог бы раскрыться сполна, но по сей день не сыскал подходящей особы, ибо еще слишком дорожу жизнью. И вдруг эта-

кая оказия: через три дня маэстро Гвичхардо собирается в Рим, и ему не составит особого труда разузнать там о возлюбленном моем чаде Иоандре. Почитая маэстро Гвичхардо преданным мне другом, собрался я с духом, решил поверить ему свою тайну и целиком положиться на него. По этой причине я и вышел в столь ранний час. Прежде чем он двинется в путь, мне надобно столкнуться с ним еще об одном дельце: хочу замолвить словечко за мессера Лигдонио Караффи, который лелеет мечту заполучить в жены его дочь. Так что потороплюсь. А вот и Сгвацца. Его-то желанья мне наперед ведомы. Однако вроде он поворотил.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

С г в а ц ц а, прихлебатель, и Гульельмо.

С г в а ц ц а. Эй, сударыни! Обратите ко мне ваши взоры и скажите: что, выходил из дома Гульельмо? Был он тут?

Гульельмо. Я попал в точку: он разыскивает меня. Что там стряслось, любезный мой Сгвацца?

С г в а ц ц а. Ба, вот он. О мессер Гульельмо, да ниспошлет вам Господь славный денек, справный годок и светлое Христово воскресенье! А в придачу накинёт миллионов эдак сорок дукатов да сбросит годков эдак тридцать горбатых! Ха-ха-ха!

Гульельмо. Веселье из тебя так и прет. Верно, уже заморил с утра червячка?

С г в а ц ц а. А то как же! Стал бы я реготать на пустой желудок. Да и пора бы пропустить чуток для затравки, солнце-то, поди, час как встало!

Гульельмо. Куда путь держишь?

С г в а ц ц а. К вам и держу, да, видать, не удержу — прямо с ходу доложу. От вас, мессер Гульельмо, зависит судьба моя: или пан, или пропал.

Гульельмо. Это как же?

С г в а ц ц а. Проще простого: дайте свое согласие, и дело с концом.

Гульельмо. Какое такое дело? Неужто снова подослал тебя мессер Джаннино сватать Лукрецию?

С г в а ц ц а. Именно. И коли согласитесь, дражайший мессере, то наверное вам скажу: не будет на свете

человека счастливей и удачливее меня, ибо мессер Джаннино посулил мне в случае благополучного разрешения дела весь свой кошель. Трать — не хочу! Уж кто-кто, а я постараюсь достойно употребить такой жирный куш. Однако я и так и эдак прикидывал — и все в толк не возьму: чем это вам мессер Джаннино не по вкусу пришелся? И молод, и пригож, и богат, и благороден, и любезен, и знатен, и умница, каких мало, и хозяин отменный. Хоть полсвета обойдете, а такого благородного, чистого, преданного человека, как мессер Джаннино, вам не приискать. Так что, по мне, тут и думать нечего. А? Что скажете?

Г у л ь е л ь м о. Эх, Сгвацца, тыщу раз тебе твердил: не могу — и все тут. И не стойте вы оба у меня над душой.

С г в а ц ц а. Не можете, оттого что не желаете. Да что вас удерживает?

Г у л ь е л ь м о. Сказано тебе: кабы можно было, дал бы свое согласие.

С г в а ц ц а. Так отчего же не можно?

Г у л ь е л ь м о. Знать, придется поведать тебе все как есть, иначе от вас не отвяжешься. Ты, должно быть, помнишь, что Лукрецию я получил в дар от моего близкого друга из ордена лилианцев, он со товарищами отбил ее у мавров, положив в бою немало их число.

С г в а ц ц а. Как не помнить, помню. Только при чем здесь это?

Г у л ь е л ь м о. Сейчас поймешь. Девица эта показала мне весьма знатной и благородной особой, и я проникся к ней такой нежной любовью, точно к родной дочери, и вознамерился было взять ее в свой дом, дабы впоследствии подыскать ей выгодную партию. Однако она взмолилась передо мной и взяла с меня священную клятву не помышлять о ее замужестве. Не то ей и свет не мил.

С г в а ц ц а. И чем эта несчастная все объясняла? Может, она уже была замужней?

Г у л ь е л ь м о. Нет. По крайности так она меня заверяла. Она была совсем ребенком, когда ее, прямо из родительского дома неподалеку от Валенсии, похитила некая пиратская шайка сарацинов, наводивших ужас на тамошние берега. Попав в пиратские лапы, Лукреция дала обет остаться девственницей, коли сбе-

жит из плена. Посему я внял ее мольбам и сдержу данное слово.

С г в а ц ц а. Смею вас уверить, мессер Гульельмо, девственность здесь вовсе ни при чем: был у нее иной резон. Верно, еще в Валенсии успела влюбиться и теперь в знак скорби по бывшей любви, к которой еще не остыло сердце, испросила вас об этом.

Г у л ь е л ь м о. Как бы то ни было, я останусь верен своему слову.

С г в а ц ц а. Коли нет тут ничего другого — козочка, почитай, наша, ибо что вчера мило, сегодня хило: женская память коротка — вмиг забудет про дружка. Да и в девках сидеть невелика радость; разве покуда они еще не вышли из отрочества, а уж как подходит дело к двадцати годкам, то, помилуй Бог, от всех этих девичьих бредней не остается и следа. Уверен, что и Лукреция уже совсем не та, что прежде.

Г у л ь е л ь м о. Много ты разумеешь. Лукреция твердо стоит на своем. Ею владеют лишь благочестивые помыслы, и клянусь тебе, кабы и не данное мною слово, я все одно не осмелился бы заговорить с ней о сей пропозиции. Теперь тебе все известно, и пусть твой мессер Джаннино не донимает меня боле. Не то я сочту его назойливость оскорбительной, мне это будет весьма не по душе.

С г в а ц ц а. Можете не сомневаться, ведь мессер Джаннино души в вас не чаает. Причина всех его поступков — желание поскорее обвенчаться с Лукрецией. Покорнейше благодарю за сказанное вами. Я тотчас передам все слово в слово мессеру Джаннино.

Г у л ь е л ь м о. Да и мне уже пора. Есть у меня неотложное дело к маэстро Гвичхардо.

С г в а ц ц а. Спешу вас заверить, мессер Гульельмо, в моей совершенной преданности и прошу умягчиться в нашем деле.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

С г в а ц ц а, один.

С г в а ц ц а. Видать, не заладится у нас это дельце. Мессер Джаннино может и не тщиться надеждой насчет Гульельмо: старый хрыч не даст себя уломать. Только

мне от этого ни горячо, ни холодно. Мне бы перво-наперво расхарчиться от пуза, а посему сбрехну про эту затею как-нибудь так, чтобы мессер Джаннино взыграл духом, раздобрился и тряхнул мошной; или пуще того — распишу ему все как было, без утайки: тогда, в порыве отчаяния, он, уж верно, потеряет рассудок и не глядя отвалит мне кучу монет, ибо не радость дурманит разум, а горе. Сказано — сделано. Только навряд ли об эту пору он дома. Постой, не он ли это выходит из церкви? Так и есть, он самый.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мессер Джаннино и Сгвацца.

Мессер Джаннино. Нынешнее утро тянется для меня целую вечность: я сгораю от нетерпения узнать, о чем столковались Сгвацца и Гульельмо! А вот и Сгвацца, легок на помине.

Сгвацца. Дрянные вести, мессер Джаннино. Не стану наводить тень на плетень: старикашка ни в какую — хоть кол на голове теши.

Мессер Джаннино. О, предательская судьба! Немилосердный старик! Как же он все это изъяснил?

Сгвацца. На сей раз он открылся мне полнее прежнего и поведал предлинную и нудную историю, сущие стариковские рассказы: в одно ухо влетело, а из другого вылетело. Главное, что в конце концов он все свалил на Лукрецию: дескать, та скорее в могилу сойдет, чем за вас пойдет.

Мессер Джаннино. Или этот старый мерин Гульельмо и впрямь из ума выжил, коли выдумывает всякие отговорки, лишь бы удержать Лукрецию при себе и самому ею попользоваться...

Сгвацца. Вот и я про то.

Мессер Джаннино. ...или вправду она самая жестокосердая, самая неблагодарная в этом неблагодарном мире. О Лукреция! Моя преданность заслуживает совсем иной награды! Я должен докопаться до сути этого дела, ибо если грешит старик, то я заставлю его обнажить клинок и он поплатится жизнью; если грех на Лукреции, то навсегда расстанусь со всякой надеждой и в

сей же миг рухну замертво, разрешась от бранных забот.

С г в а ц ц а. Мессер Джаннино, кабы с одного боку вы пригрозили старикашке, а с другого поднажали на девицу, то без труда прознали бы, у кого рыльце в пушку. Однако сдается мне, что пришло время обедать. Обмозгуем это дело на сытый желудок, а там, пожалуй, и обтяпаем его половчей.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Покуда я еще ни к чему не склонился, обожду Верджилио: посмотрим, что за вести он принесет. Сейчас он обхаживает на сей предмет Маркетто.

С г в а ц ц а. Добро. Чтобы не терять время, я бы сообразил что-нибудь к обеду. Авось выпутаемся из этой мороки. Что, денежки при вас? Об остальном я похлопочу.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Как будто при мне. Держи.

С г в а ц ц а. Четыре, восемь, двенадцать, шестнадцать гроссов. Постараюсь, чтоб хватило.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Ступай, а встретишь Верджилио, передай, пусть ищет меня у золотых дел мастера, как я ему сказывал.

С г в а ц ц а. Все исполню.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мессер Джаннино, один.

Мессер Джаннино. Сомнений нет, несчастный Джаннино, теперь ты можешь смело утверждать, что во всем виновата эта жестокосердая. Ах, бедный я, горемычный! Как поступить, дабы она уверовала в мои муки? Ведь вся беда в том, что она таки не верит. А кабы постигла такие мои страдания, то всенепременно сжалилась бы надо мной. Но как признаться ей сполна? Сам-то я знаю, что это так. Знаю, что люблю ее, как еще никто не любил на этом свете. Знаю, что все мои помыслы направлены лишь на то, чтобы всячески ей угождать и обожать ее со всей преданностью, на какую я только способен; не растрчивать сокровища души на других женщин; неизменно хранить любовь к ней, столько, сколько продлится сама жизнь, не важно — зло иль

добро я познаю от нее; денно и ночью защищать ее честь; ничем не огорчать ее; жить отпущенный мне земной срок во имя любви к ней с постоянством, какое редко у кого встретишь. Все это я знаю про себя наверное, но не в состоянии уверить ее, что это истинно так. Увы! Сколь тяжко сносить подобные муки и не находить средство, могущее доказать мою искренность! А всему виною вы, мнимые влюбленные; вы, которые так ловко притворяетесь, будто охвачены любовной страстью, что многие женщины, не различив обмана, поддаются на вашу уловку и уж боле никому не желают довериться, ожесточась душой и сердцем. О Боже! Ради жалких крох наслаждения, кои вырываете вы, обманывая женщину, сколько зла приносите вы тем, кто искренне любит! И я — один из них. Но кто это там несетя во всю прыть? Уж не Аньолетта ли? Так и есть. Видать, по мою душу. Только этого мне еще не хватало! Надо бы поскорее от нее отделаться. Спроважу-ка ее раз и навсегда какой-нибудь прибауткой. Ибо не проходит и дня, чтобы она не допекала меня своим всегдашним вздором.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Аньолетта, служанка мессера Гвичхардо, и мессер Джаннино.

Аньолетта. Фу-ты, пропасть! Как пить дать не застаю его дома. О! Да вот и он. Доброе утро к доброму дню, мессер Джаннино.

Мессер Джаннино. Как нарвусь на тебя, так и утро всмятку, и день наперекосяк. У меня и без того забот полон рот, так что сделай милость — не стой над душой. Ступай себе с Богом своей дорогой.

Аньолетта. К чему кипятиться, мессер Джаннино? Узнайте сперва, что за нужда привела меня к вам.

Мессер Джаннино. Всякая твоя нужда мне вперед ведома. А подослала тебя твоя хозяйка.

Аньолетта. Ну так что ж из того? Она униженно просит вас о сущей безделице. Видя, что вы настолько черствы к ней, что желаете ее смерти, бедняжка вполне с этим смирилась, но прежде умоляет вас, во имя Господне, сжалиться над ней и прийти сегодня в обитель Святого Мартина всего на полчаса для важного разговора.

По воле отца она пробудет в монастыре до его приезда из Рима. Она заклинает вас святым распятием выполнить ее просьбу. А коли откажете в этой мелочи, то лишь подтвердите, что и впрямь являетесь самым черствым и неблагодарным из всех мужчин.

Мессер Джаннино. Сколько раз я сказывал тебе, Аньолетта, что ты и твоя хозяйка понапрасну тратите время. Меня гложет совсем иная забота. А напоследок покорнейше прошу передать твоей хозяйке, чтобы она возлагала надежды на кого-нибудь другого, ибо сейчас мне совсем не до нее и все равно, есть ли она на белом свете или нет.

Аньолетта. Ах, мессер Джаннино! Изведали бы вы хоть толику того чувства, что питает к вам хозяйка, уж верно, не заводили бы подобные речи. Значится, не придете?

Мессер Джаннино. Нет, нет и нет! Ужель не ясно? О Всевышний! Силы мои на исходе.

Аньолетта. Еще разыграет в вас желание. Но будет поздно.

Мессер Джаннино. Уф! Ну и жарница!

Аньолетта. По нему сохнет такая красавица — одно загляденье, истинный клад, а он и в ус не дует! Ну, скажите, Христа ради: чего вам еще надобно? Ведь она, кажись, всем вышла: и пригожа, и родовита, и молоденька — всего-то шестнадцать годков, — и учтива, и участлива, и нрава что ни на есть кроткого, и нежна, и свежа, и степенна, и приветлива, и кругла, и бела, и душиста, и смачна — просто пальчики оближешь. Иные — так жизнь готовы отдать, лишь бы одним глазком на нее взглянуть. А в довершение всего еще и втюрилась в вас без ума: одного этого уже довольно, чтобы ответить ей взаимностью.

Мессер Джаннино. Ежели проторчу тут с ней, то наверняка прохлопаю Верджилио.

Аньолетта. Ах, мессер Джаннино! Постойте! Вот что я вам скажу на дорожку. Сжальтесь над чувствами бедной юницы — не погубите столь нежное создание!

Мессер Джаннино. В последний раз говорю тебе, Аньолетта: коли не отвяжешься — пеняй на себя!

Аньолетта. Эх! Знать, не в добрый час я вас застала. Что ж, силком держать не буду.

Мессер Джаннино. Другого часа для тебя не припасу.

Аньолетта. Глядите, как бы не пришлось потом казнить.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Аньолетта, одна.

Аньолетта. «Поздно пришел — кости нашел», — говаривала моя крестная, Царствие ей Небесное, когда сетовала о потерянном времени. Так скажет и этот спесивец мессер Джаннино, когда минет молодость; а без нее любовь — что увядший цветок. Вот окрутит его наша сестра, припомнит тогда, как проморгал свое счастье, да только былого уж не вернуть. Э-хе-хе! Кабы всякий молодец иль молодка имели б голову на плечах, уж они бы, провалиться мне на этом месте, не зевали бы. Да вот беда: красота и молодость пройдут — не воротись. Тут, сестрицы, тужи — не тужи, а горю не поможешь. Мой вам совет: гуляйте ваши годы, покуда молоды. Взять по крайности меня. Хоть я пока и не старая кляча, однако за мной уже не волочатся толпы ухажеров, не в пример былым-то временам. Какое там! Нынче самой приходится упрашивать милого дружка, как когда-то он уламывал меня. И не прибери я тут к рукам одного из этих гишпанских сеньоров, который нежданно-негаданно врюхался в меня, так и осталась бы куковать. А гвардейский этот капитан, скажу я вам, врезался в меня ну по уши. Да и чему тут дивиться: с виду я еще хоть куда, а они на это народ падкий. Так что этот готовенький, уж вы мне поверьте. Одно слово: совсем сдурел. Задарил меня всеразличными гостинцами, хоть не Бог весть что, а все приятно. А каковы их нравы и много ли нам пользы от того, что водим с ними хлеб-соль, — поспрошайте у сиенских селян. Уж я-то имею понятие — со всякими водилась, — до чего они у всех в печенках засели. Бывало, проходу от них нет; несут что ни попадя, а нас кличут «синьорами». Э-э, нет! Не на тех напали. Не «синьор» нам подавай, а звонкую монету. Вот и он: явился — не запылится, из кордегардии вывалился. Лопни мои глаза: ко мне намылился. Поутру я иной раз залучала его в свой погребок. Посторонюсь-ка, пожалуй.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Испанский капитан и Аньолетта.

Капитан (*говорит по-испански*). Нынче утром обойдусь без пажа и разных прочих провожатых, ибо намерен чествовать наших очаровательных дам. Экая докука, когда с тобой вечно кто-нибудь увязывается! И так уже проворонил уйму подходящих случаев по женской части, а все потому, что рядом непременно кто-то крутится. Ну а пока суд да дело, поправлю-ка рубашку, смахну пыль с башмаков, встряхну шляпу. А-а, черт! Забыл причесаться и надушить бороду в предвкушении сладостного часа, что проведу с Аньолеттой в ее погребке! Ба, да вот и моя душка!

Аньолетта. Приметил. Делать нечего — придется выходить. Притворюсь, будто держу на него зуб сама не знаю за что.

Капитан. Диес доброс, сеньора Аньолита, прекраснос, грацьознос, любезнос сеньора; повелительница мой душа и серсе и всего, что имеос. Куда спешает сеньора спозаранок? Клянусь Всевышний, я иметь намеренье посещать вас часок-другой в ваш погребок.

Аньолетта. Ноги вашей впредь не будет в моем погребке. Давно уже помышляла вам сказать, да все не решалась.

Капитан. Что я слышу? Вы издеваться над меня? Что ж, это в вашей власть!

Аньолетта. Чтоб я да подымать вас на смех? Еще увидите, смешки это или дело нешуточное.

Капитан. Ради всего святого! Сеньора Аньолита, ответьте, что с вами приключиться? За что так ополчиться на меня?

Аньолетта. От кого, от кого, а от вас уж никак не ожидала этакой подлости. Видать, все вы, гишп... то бишь мужчины, одного поля ягоды. Прикидываетесь, будто не уразумели, о чем речь?

Капитан. Я уразумей только одно: что принадлежать вам, что вы жизнь мой и что всеми мой помыслами направлен в услуженье вас; ни одна женщина на свете не заменить мне моя Аньолита.

Аньолетта. Думаете, не ведаю, что завели себе зазнобу?

Капитан. И в толк не взять, о чьем вы?

А нь о л е т т а. Прекрасно уж взяли.

К а п и т а н. Пропадъи все пропадом! Почто зря клеветать, сеньора? Что за небылицы? Клянусь, я тут, э-э... ни сном, ни ухом!

А нь о л е т т а. И ухом, и еще кое-чем. Променили меня на благоверную мессера Валерио. Что, не так? Только мне на это чихать. Все одно потом все шишки ваши будут. Валандайтесь со своими разлюбезными дамами сколько влезет.

К а п и т а н. О дьявол! Наконьец-то я постигнуть сей закоручка. Нет нужда так горячить себя, сеньора. Открою вся правда. Супруга мессера Валерио что ни диес шлатъ мне записка и верный человек, ибо терять из-за меня покой. Однакос рядом с вас она тьфу! Округ меня вертеться мучос милый пизский дам, но серсе мой отдан лишь одна из них — моя сеньоре Аньолита.

А нь о л е т т а. Думаете, это простая похвальба? Право дело, у меня и тени сомненья не было, что так оно и есть.

К а п и т а н. Что вы?

А нь о л е т т а. Наверняка, говорю, об этом сведала.

К а п и т а н. Как вы мочь верить этот бредень? Разве не приметить вы, что я любить вас одна?

А нь о л е т т а. Полно оправдываться. Когда вам удовольствие, то и мне радость. Пойду, пожалуй.

К а п и т а н. Ах, сеньора Аньолита. Наперекор всего я это отрицать, иначе учинить какой-либо безумье! Что за шутки? Что за ловушка вы мне расставить?

А нь о л е т т а. А он и впрямь злится, это уж ни к чему. Эй, синьор Франсиско! Не распаляйтесь так. Да я просто пошутила. Ужели вам не ведомо, как нежно я вас люблю?

К а п и т а н. Сеньора, к чему этакий плутовство? Ведь я чуть было не отдать Бог душу; вот и сейчас весь трепетать.

А нь о л е т т а. Простите великодушно, у меня и в мыслях не было, что может так обернуться.

К а п и т а н. Помилуйте! Покорный раб должен простить свой госпожа? Свой богиня? Нет, не испрашивайте мой прощенье: я этого не выносить!

А нь о л е т т а. О, любезный мой синьор Франсиско! До чего ж вы мне любы!

К а п и т а н. Тогда скажите: кому принадлежать этот дивный грудь и прочий прелесть пониже?

А нь о л е т т а. Все это ваше, синьор Франсиско.

К а п и т а н. Мучос вам спасибо, ибо и я не намерен принадлежать никоей, кроме вас. Слово дать, что с той пора, как прибыл из Эспанья, никто не возжечь огонь мой серса; к тому ж могу заверить, что в Эспанья доброс дюжина благородных дам готов был выполнить любой мое желанье.

А нь о л е т т а. Ого! Не многовато ль?

К а п и т а н. А что, не заходить ли нам в погребок? Для этот цель я и выйти из дома раньше обычный и в одиночка.

А нь о л е т т а. Увы и ах, синьор Франсиско! Денька два нам видеться не судьба. В субботу хозяин собрался в Рим, оттого и дом сейчас — что улей: гудит народом; да и у меня работы хоть отбавляй: присесть некогда. Дайте срок: как отъедет хозяин, уж мы наверстаем упущенное.

К а п и т а н. О небеса! Как долго тянуться для меня эти диес! Но куда же вы сейчас?

А нь о л е т т а. К парфюмеру, за пудрой для хозяйки.

К а п и т а н. А что, ежели я с вами?

А нь о л е т т а. Как бы не вышло мне это боком.

К а п и т а н. Дойти хотя б до лавка, чтоб насладиться пусть этот малость. И там оставить вас.

А нь о л е т т а. Так пошли!

К а п и т а н. Прошу, моя ангелок.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Гульельмо, маэстро Гвичхардо.

Гульельмо. Сейчас сами уверитесь, маэстро Гвичхардо, сколь много значит для меня то, что я намерен вам открыть.

Маэстро Гвичхардо. Не сомневайтесь: и слова из нашего разговора не выдам сверх меры.

Гульельмо. Тут на карту поставлена жизнь.

Маэстро Гвичхардо. Признаюсь, обидно мне слышать, уважаемый Гульельмо, что вы подвергаете сомнению мою преданность. Ведь я почитаю себя вашим близким другом. Говорите же безо всякой опаски.

Гульельмо. Поболее двенадцати лет минуло с

тех пор, как ушел в лучший мир святейший папа Адриан. Тогда-то, заодно с другими вольнодумцами, мы порешили воспользоваться кончиной сего первосвященника и встали во главе заговора в Кастилии. Однако судьбе было угодно сделать так, что заговор наш раскрылся до того, как мы сами смогли достойно предать его огласке. Нас объявили злейшими врагами нашего отечества, обвинив во всех тяжких грехах. Ибо истинное мое отечество — Кастилия.

Маэстро Гвиччардо. Вот так так! Стало быть, вы не из Виллафранки?

Гульельмо. Вскорости вы все поймете. Итак, захватив все деньги и ценности, что у меня были, я оставил прочее имущество на попечение моего брата, мессера Консальво, а также вверил ему дочку восьми лет и сыночка Иоандра, коего за год до того отправил в папскую курию. После чего тайно покинул Кастилию. Прибыв в Италию, я положил осесть в Пизе. И вот, сменив имя свое и отчизну, обретаюсь здесь добрую дюжину лет, выдавая себя за Гульельмо из Виллафранки, каковым меня благополучно и почитают. Наречье ваше, как видите, я перенял в совершенстве. Одному лишь Богу известно, как жаждал я все это время получить хоть коротенькую весточку из дома! Увы, новости не доходили до меня, да и не могли дойти, ибо я не стал засиживаться в Генуе, как поначалу заверил брата: сей город показался мне сущим толкучим рынком. Так что брат и знать не знает, где я теперь. Ни разу не отваживался я на откровенную беседу, и ни одна живая душа на свете не ведает того, что услышали сейчас вы.

Маэстро Гвиччардо. Каково же подлинное ваше имя?

Гульельмо. Педрантонио.

Маэстро Гвиччардо. Дражайший Педрантонио, я столь тронут этим рассказом, что из сострадания к вашей безутешной старости готов сделать для вас все, что пожелаете. Как и прежде, вы можете положиться на меня совершенно. Уймите слезы. Мнится мне, что скоро придет конец всем вашим напастям.

Гульельмо. Молю вас об одном, маэстро Гвиччардо: как будете в Риме, сделайте милость, разузнайте о моем ненаглядном дитяти Иоандре; а коли судьбе угодно будет свести вас, сказывайте ему, что я, дескать, жив-здоров, пребываю там-то и там-то: пусть отпишет

мне во всех подробностях о себе, о новостях из дома, о Джиневре, моей дочурке, о дяде и обо всем на свете. Покорнейше прошу вас споспешествовать мне в этом, приложив всяческое старание, ибо я жду не дождусь того часа, когда услышу вести на сей предмет.

Маэстро Гвиччардо. Не извольте беспокоиться. Будь вы сами на моем месте, не выказали бы большего усердия.

Гульельмо. Располагайте мною без остатка. Увидите: уж я-то в долгу не останусь.

Маэстро Гвиччардо. Не нужно лишних слов. Чем еще я могу услужить вам?

Гульельмо. Этого довольно. Всецело рассчитываю на вас.

Маэстро Гвиччардо. По рукам.

Гульельмо. Дабы уверить вас в своей совершенной преданности, хочу обтолковать с вами одно дельце, каковое может разрешиться к вашей выгоде и удовольствию.

Маэстро Гвиччардо. Слушаю вас со всевозможным вниманием.

Гульельмо. Если верить толкам, у вас имеется единственная дочь на выданье?

Маэстро Гвиччардо. Слух верный. И коли натолкнусь на что-нибудь подходящее, уж не стану медлить, ибо дочь моя так истово предалась благочестивым помыслам, что, сдается мне, пришло время всерьез расположить ее к замужеству.

Гульельмо. Когда б вам было по сердцу, я свел бы вас со своим добрым знакомцем. Он хоть и не первой молодости, да не этим взял и, полагаю, составит партию из лучших во всей Пизе.

Маэстро Гвиччардо. Кто таков?

Гульельмо. Мессер Лигдонио Караффи.

Маэстро Гвиччардо. Не больно близко с ним знаюсь, но слыхал наверное, что он изрядный краснобай, надоеда и к тому же прилипала. Да и родом он не из Пизы.

Гульельмо. Мало ль завистников на свете. А что он не пизанец — невелика беда. Зато он неаполитанский дворянин и пользуется здесь немалыми привилегиями.

Маэстро Гвиччардо. Пожалуй, об этом поразмыслию. Хотя, сказать по чести, я имел виды на некоего мессера Джаннино, прибывшего к нам из Рима

достигать разные науки. Впрочем, до сего дня он только и знает, что нос воротить; ходят даже слухи, будто он священник.

Г у л ь е л ь м о. Уж этот положительно не согласится. Не проходит и дня, чтобы он не донимал меня просьбами отдать за него ту самую девицу, что держу в моем доме. Я же и слышать об этом не желаю, ибо в свое время поклялся не помышлять о ее замужестве. Однако мессер Джаннино упрямо твердит, что ежели и женится, то единственно на ней. Так что мой вам совет — присмотритесь к мессеру Лигдонио.

М а э с т р о Г в и ч ч а р д о. Переговорим об этом, когда вернусь из Рима.

Г у л ь е л ь м о. Когда же полагаете обратно?

М а э с т р о Г в и ч ч а р д о. Точно не скажу. Спервоначально остановлюсь на денек-другой в Сиене. К тому времени, должно статься, и император прибудет, ведь все ожидали его к седьмому дню мая.

Г у л ь е л ь м о. Его величество уже в городе. Наслышан об этом от очевидцев.

М а э с т р о Г в и ч ч а р д о. Я вовсе не намерен упускать такую оказию и всенепременно хочу его увидеть; тем паче отправляюсь в Сиену сушей и быстро доберусь до места.

Г у л ь е л ь м о. Верно, в городе ему устроили пышную встречу, ибо Сиена славится своей безграничной преданностью его величеству.

М а э с т р о Г в и ч ч а р д о. Преданностью и любовью, какие можно только вообразить. Но пуще всего возликуют сердца и души сиенцев; слезы радости и умиления окропят городские стены. Ибо доподлинно известно, что многие годы сиенские синьоры подвергались нескончаемым напастям и ныне их кошельки изрядно опустели. Однако, по мере того как убывало их золото и серебро, укреплялись вера в его величество и любовь к нему.

Г у л ь е л ь м о. Сие есть великое благо, ибо нет большего богатства, нежели искренняя и неподдельная преданность. И коли взять государей, способных это оценить, наш император — один из них. Немало испанских городов засвидетельствуют вам это.

М а э с т р о Г в и ч ч а р д о. Когда же его величество отбудет из Сиены, я без промедления поеду в Рим и скоро управлюсь со своими и вашими делами. После

чего задержусь еще на денек-другой, дабы самому увериться, так ли растлилась папская курия, как гласит об этом молва.

Гульельмо. Полагаю, что худшие ваши опасения подтвердятся. Я уж премного раскаялся в том, что послал туда сына принять сан.

Маэстро Гвиччардо. Вот и я, размышляя об этом многократно, только диву давался: как это Господь Бог попускает этакое беззаконие? Однако час расплаты, надо думать, не за горами.

Гульельмо. Не раз подобные мысли посещали и меня. Склоняюсь к тому, что сия реформация Церкви, равно как и прочие великие начинания, требуемые для поддержания христианского духа, уготованы ныне правящему императору. Ибо, здраво расценив все его прошлые и нынешние деяния, мы узрим в нем провозвестника и стяжателя всеобщей славы на ниве возрождения христианской веры.

Маэстро Гвиччардо. Таково и мое суждение. Думается мне, что час свершений близок, коли не врут расположения звезд и планет; сию премудрость я изучил до тонкостей и потому предвижу, что час вот-вот пробьет.

Гульельмо. На все воля Господня, и да ниспшет Он мне здравия до этого желанного дня.

Маэстро Гвиччардо. Меня еще ждут неотложные дела, с коими должен покончить прежде, чем тронусь в путь. Посему оставляю вас.

Гульельмо. Надеюсь свидеться перед вашим отъездом. Ну, а ежели не доведется — помните о моем деле.

Маэстро Гвиччардо. Будьте покойны. Не оплошаю.

Гульельмо. Уповаю на вас!

Маэстро Гвиччардо. Добро. Ваш слуга покорный.

Гульельмо. Служить готов и я. Вроде бы облегчил душу, поверив свою тайну маэстро Гвиччардо; однако боюсь, как бы он не нарушил данного обещания. Впрочем, не думаю, чтобы маэстро был способен на такую неблагодарность, ведь я всегда полагал его своим верным другом. Чему быть, того не миновать. Зайду домой и набросаю письмецо Иоандру на случай, ежели волей небес маэстро Гвиччардо отыщет его в Риме.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Капитан Франсиско, мессер Консальво, Росадес, слуга.

Говорят по-испански.

Капитан. «Коль прелату угодишь, так себя озолотишь». Боже правый! Кабы снова посчастливилось услышать новости из дома, радости моей не было бы конца! После того как давеча мы расстались с Аньолетней, завернул я на постоялый двор «Кавалло», да и прознал, что вчера ближе к ночи там остановился некий благородный кастильянец вместе со слугою; наутро он уж пошел прогуляться по городу. Хозяин рассказывает, будто узнать его можно по камчатному плащу и бархатной шляпе, а на вид ему лет пятьдесят. Тсс! Не тот ли это господин? По описанию, похоже, он и есть!

Мессер Консальво. Я рад, что попал в этот город, Росадес.

Росадес. Что верно, то верно, хозяин. Древний и славный край.

Капитан. О Боже! Сплю я иль грежу? Да это же...

Мессер Консальво. Жизнью клянусь: я помню и люблю его еще с той поры, когда учился здесь.

Капитан. Признал, черт побери! Это же мессер Консальво Молендини из Кастилии. Добро пожаловать, ваша милость!

Мессер Консальво. Уж не сеньор ли Франсиско Маррада передо мной? Так и есть: он самый! Дозвольте обнять вас, любезный сеньор Франсиско! Вот так встреча! Смотрю на вас и глазам своим не верю: ведь в Кастилии все вас давно уже оплакивают как умершего.

Капитан. Вот те раз! Как так умершего?

Мессер Консальво. До нас дошел вернейший слух, будто прошлым годом вы пали в Африке, при взятии Голетты.

Капитан. Если бы Господу было угодно, чтобы я участвовал в той кампании!

Мессер Консальво. Отчего так?

Капитан. Оттого, что всякий истинный солдат, желающий отличиться и добыть славу на поле брани, коли достанет ему доблести, должен вознести молитву Создателю, дабы явил ему милость сразиться под знаменами нашего императора! Ибо никто не распознает доблесть и отвагу так, как он. Его великодушие и щедрость подтвердят вам многие наши соотечественники, равно как и прочие военачальники и бесчисленные храбрецы, удостоенные его наград.

Мессер Консальво. Ваша правда. Добродетели государя заслуживают и не таких похвал. Почему же вы не изыскали должного способа принять участие в баталии, коль скоро сами того желали?

Капитан. Сейчас узнаете. Прибыв из Кастилии в Италию, дабы испытать судьбу (а тому уж лет шесть будет, как вам ведомо), пошел я наемником к его светлости принцу Оранскому, стоявшему в ту пору лагерем под Флоренцией, и стал знаменщиком при капитане Зорге. В той кампании судьба мне благоприятствовала, да и сам я не плошал; как только Флоренция сдалась на милость победителя и было восстановлено правление герцога Алессандро, меня произвели в капитаны небольшого гарнизона, что находится здесь в Пизе в ведении комиссара. Последний же ни разу не дозволил мне отлучиться со службы.

Мессер Консальво. Рад слышать, что не посрамили отечества и всецело преданы ему. Но как сумели вы сохранить все это время навык родной испанской речи?

Капитан. Очень просто: что ни день — якшаюсь с испанскими солдатами. Однако навык этот изрядно ослабел. Ответьте, мессер Консальво, что случилось с моим батюшкой, и братом, и всеми домочадцами?

Мессер Консальво. Отец ваш сильно постарел, брат возмужал и скоро женится. Как я вам сказывал, он горько печалится о вашей смерти. Когда ж прознают ваши домашние, что вы целы-невредимы, боюсь, как бы сами они не умерли от радости.

Капитан. Каким ветром вас занесло в Пизу, мессер Консальво? Неотложные дела?

Мессер Консальво. Дел в Пизе, любезный сеньор Франсиско, у меня нет. А привела меня сюда тоска по этому славному городу, ибо в былые времена я проходил здесь курс наук и весьма прикипел душой к

этому краю. Это явствует даже из моего выговора: тосканское наречье так крепко засело во мне, словно сам я родом из этих мест.

Капитан. Выходит, столь долгий путь вы совершили единственно для того, чтобы повидать любимый город?

Мессер Консальво. Не только. Вы, верно, помните, досточтимый сеньор Франсиско, что ровно тринадцать лет назад Педрантонио, мой брат, отправил Иоандра, своего сына и моего племянника, коему едва исполнилось тогда семь лет, в Рим, в папскую курию. Спустя немного времени после известного вам заговора брат был принародно объявлен бунтовщиком. Поскольку ему грозила тяжкая кара, он принужден был тайно покинуть родину под чужим именем.

Капитан. Все это я отменно помню.

Мессер Консальво. Брат обещал дожидаться меня в Генуе, и с тех пор от него ни слуху ни духу. Боюсь, уж не умер ли он в изгнании.

Капитан. Это было бы большим несчастьем, ведь человек он был добропорядочный и благонравный.

Мессер Консальво. Должно полагать, вы помните также, что Педрантонио вверил мне свою дочь Джиневру. Невесть каким манером ее подбил уйти из дома некий Фернандо Сельваджо; так что и о ней я ведать ничего не ведаю. Опасаюсь, как бы ее не постигла та же печальная участь.

Капитан. Все это я помню столь ясно, словно дело было вчера.

Мессер Консальво. Вот и выходит, что из всей нашей семьи у меня остался лишь племянник Иоандр, пребывающий ныне в Риме. Возраст мой уже весьма преклонный, посему я и отписал ему множество писем, в коих просил вернуться на родину и войти во владение своим законным имуществом. Когда пробьет мой час, я не желаю, чтобы наше добро прибрали к рукам чужаки. Однако за все эти три года я не получил ответа ни на одно из писем, по причинам совершенно мне неведомым. Видя такое дело, я вознамерился добраться до Рима, дабы самолично переговорить с племянником. Ну а коль скоро давно уже чаял я побывать в этом городе прежде, чем сойду в могилу, то порешил завернуть сюда и передохнуть денек-другой. Прибыл же я по морю, кратчайшим путем.

Капитан. Вы приняли мудрое решение. Кто, позвольте узнать, путешествует вместе с вами?

Мессер Консальво. Мой слуга и паж.

Капитан. А не сопровождает ли вас некий чернобородый молодой человек в алом плаще и с белым пером на шляпе, коего недавно приметил я на постоялом дворе? Трактирщик передавал, будто он один из ваших.

Мессер Консальво. Верно. По воле случая мы повстречались вчера утром: он направлялся в Неаполь, и мы уговорились вместе держать путь в Рим.

Капитан. Не стану попусту разглагольствовать, ваша милость, скажу лишь, что всегда почитал вас как родного отца и надеюсь, что останусь для вас любящим сыном.

Мессер Консальво. Иного ответа и не ждал. Когда же помышляете вы вернуться в родные края?

Капитан. Покуда не думал об этом, сеньор. Мы превосходно уживаемся с комиссаром, и он все делает, как я ему присоветую. Так что я волен распоряжаться собой как хочу, да и потех в городе хватает, не жалуюсь. Особливо по части слабого пола. Сказать начистоту, многие уже потеряли из-за меня голову; есть среди них и такие красотки, каких поискать.

Мессер Консальво. Приятно слышать. Хотя сдается мне, что герцог Алессандро строго блюдет покой горожан и наипаче всего требует повсеместного уважения женской чести.

Капитан. Истинно так, на случай принуждения. Когда же они предпочитают меня прочим соискателям их сердец и мы расчудесно ладим, то ни герцог, ни кто иной не может помешать этому соединению.

Мессер Консальво. Когда так, то ни слова больше.

Капитан. Сеньор Консальво, то время, что вы проведете в Пизе, я намерен неотступно сопровождать вашу милость, дабы сполна насладиться вашим обществом и услышать побольше вестей об отчем доме.

Мессер Консальво. Почту за честь. И немедля приглашаю вас отобедать со мной.

Капитан. С превеликой охотой.

Мессер Консальво. Прошу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Корсетто, солдат, один.

Корсетто. Правду говорят: чтобы узнать человека, надобно с ним пуд соли съесть. Вот уж не думал, не гадал, что лучший друг, с коим, почитай, год душа в душу служили под началом одного капитана флорентийской гвардии, станет от меня секреты водить. Видать, дружба и впрямь дороже всего на свете и не всякому дано этот дар сохранить. Вот и моего товарища, как я погляжу, точно подменили. Судите сами: как-то раз уломал он меня испросить у нашего капитана отпуск на месяц-другой и притащил в Пизу. Тут, говорит, судьба моя решается, а какая такая судьба — ни слова, потом, мол, все сведаешь. Только обещанного, как водится, три года ждут. Торчим тут, торчим, а толку никакого. Разве вот платье да имя сменил; прежде звался Ферранте, а ныне, ни с того ни с сего, — Лоренцино. Вдобавок еще и слугой нанялся к старику Гульельмо, что живет тут поблизости. Тыщу раз умолял его: скажи, Бога ради, что все это за причуды, а он знай свое: завтра да завтра. В общем, толку не добьешься. Смекаю я, уж не двинулся ли он умом? Эко будет лихо-то! Намерен я нынче объясниться с ним начистоту. Коль я друг ему, пускай просветит меня насчет своих замыслов. А начнет вилять, так прямо и отрежу: два месяца уже на исходе; что до меня, то я собираюсь обратно к капитану во Флоренцию, ибо здесь мне все одно веры нет. Эдак и совесть моя, как друга, будет чиста. Гляну, не дома ли он. Кажись, выходит кто-то. Он самый и есть. Рад-радешенек — давненько его таким не припомню. Притаюсь-ка в сторонке: пусть думает, что его никто не слышит... Авось до чего и дознаюсь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ферранте, под именем Лоренцино, и Корсетто.

Ферранте. Ну и счастливичик же ты, Ферранте! Верно, в сорочке родился да под счастливой звездой! Вот удача-то, вот радость! Есть Бог на свете! Такое счастье привалило, что ни словом сказать, ни пером описать! Ну кому, скажите на милость, еще так везло, как

мне? Баловень судьбы, да и только! Вот бы сейчас Корсетто сюда: пришла пора выложить ему, что раньше держал в секрете.

Корсетто. О чем это он? Не иначе как совсем спятил.

Ферранте. Не думайте, будто я вовсе ошалел от счастья и не разумею, сколь важно для меня то, что собрался ему открыть, ведь тут решается вопрос чести благороднейшего создания, а заодно и вся моя жизнь. Но Корсетто настоящий друг, и я могу преспокойно ему довериться. Скорей к нему, не то вся Пиза узнает о моей великой радости.

Корсетто. Случай подходящий. Так и быть — покажусь ему, а то еще будет потом жалобиться. Эй, Ферранте, пусть твоя жизнь станет сплошным праздником!

Ферранте. Корсетто, дружище! Большого от жизни мне и не надобно. Я и так получил предостаточно. До чего же кстати я тебя повстречал! Прошу только, не называй меня Ферранте. Слава Богу, мы здесь одни, но нечистый не дремлет.

Корсетто. Какие вести? Хотя — о чем это я? Нешто от тебя чего-нибудь добьешься? А ведь знаешь, что мне ты можешь доверять, как себе самому. Скажу напрямик: надоели мне твои утайки, и порешил я нынче утром объявить тебе: коли нет от Корсетто проку, пора бы мне возвратиться во Флоренцию и сдержать данное капитану слово.

Ферранте. Неправда твоя, Корсетто. Если чем и обидел тебя, то не по злобе. Знай, что на всем белом свете нет другого такого человека, которому я мог бы до конца излить всю душу и которого готов всячески ублажать. Ты сам-то прикинь: на что мне было тащить тебя в Пизу, ежели я так тебя стерегусь, как ты мыслишь, да еще и водить тут за нос и кормить напрасными обещаниями? Зато теперь настал заветный час, и, видит Бог, я вышел из дому с единственной целью увидеться с тобой и испросить твоего совета.

Корсетто. Вот это я понимаю, а то, скажу не таясь, решил было, что дружбе нашей конец. Ну да ладно: что было, то прошло. Выкладывай, в чем там вся незадача.

Ферранте. Отойдем-ка подальше от дома.

Корсетто. Ну, говори.

Ферранте. Прежде чем посвятить тебя в нынешние мои дела, я должен коротко поведать свою историю, ибо, не узнав начала, не поймешь и конца.

Корсетто. Ясное дело. Зачинай, не тяни.

Ферранте. Семь лет пролетело с тех пор, Корсетто, как я жил не тужил у себя на родине в Кастилии. Лет восемнадцать мне тогда стукнуло. И вот в один прекрасный день жизнь моя резко переменилась: влюбился я по уши в одну девчонку лет тринадцати, по имени Джиневра. Папаша ее, Педрантонио Молендини, был объявлен у нас мятежником и принужден был оставить дочку на попечение брата, мессера Консальво. О нем же самом с того времени ничего не слыхать.

Корсетто. Поди, отдал Богу душу в изгнании.

Ферранте. Чего не знаю, того не знаю. Слушай дальше. На мое счастье, вскоре и она воспылала ко мне взаимным чувством. Но и тогда мне никак не удавалось склонить ее стать моею. Я уж и так и этак — все впусую. Хотя сам-то вижу: сохнет по мне девица, просто спасу нет; но честь свою блюдет — что и не подступишься. И знай себе твердит: лучше умру ради любви к тебе, чем опозорю себя в угоду твоей страсти.

Корсетто. Не часто встретишь такое целомудрие. Сказывай дальше.

Ферранте. Видя такую ее неприступность, я предложил ей руку и сердце. Джиневра была на седьмом небе: она и не чаяла, что доживет до такого дня. Однако дядюшка ее Консальво и слышать об этом не захотел. А все потому, что кто-то из моих родичей подбил его брата Педрантонио на заговор. Сколько мы из-за этого натерпелись, ведают лишь те, кто сам перенес нечто подобное. Не один месяц длилась вся эта мука, покуда, не в силах более сдерживать наши чувства, мы не порешили обвенчаться тайно, а вслед за тем оставить Кастилию и держать путь в чужие края, положившись на судьбу.

Корсетто. Видно, ради тебя она была готова на все.

Ферранте. Так мы и учинили. Под покровом ночи сели на баркас, загодя снаряженный моими друзьями, и вышли в море. Поначалу наше плавание шло благополучно. Но судьбе, что вечно противится самым что ни на есть радужным замыслам влюбленных, угодно было распорядиться на иной лад. Как приблизи-

лись мы к пизанским берегам, напали на нас четыре шхуны пиратов. Окружили со всех сторон, и завязался бой. Отважно дрались мои товарищи, но все, как один, полегли в морской схватке. Я же был тяжело ранен и попал в сарацинский плен. В пылу сражения я собственными глазами видел, как пираты силком перетащили мою Джиневру на одну из шхун и уплыли с ней восвояси, не вняв ее жалобным просьбам лучше убить, нежели разлучить со мной. Так и расстался я со своей избранницей, единственной, которую я любил и буду любить, покуда жив.

Корсетто. Сердце кровью обливается от твоего рассказа. Что же дальше?

Ферранте. Что случилось с ней потом, я не ведал до сего дня. О себе же скажу, что привезли меня в Африку и сделали невольником. Едва оправился я от ран (телесных, разумею, ибо раны душевные не затянулись и поныне), запродали меня в Тунис одному из первых толстосумов города, некоему Флешеру, который незадолго до того прикупил таким же манером флорентийского раба по имени Нофрио Валори, полоненного на пути из Генуи во Флоренцию. Сдружились мы с ним: ведь вместе любую напасть снесешь. А годы идут и идут... Но вот прошлым летом, июля пятнадцатого дня, случилось взятие Туниса, великая виктория достославного императорского войска; и нам, купно с двадцатью тысячами других рабов, была дарована свобода. Тот день я запомню на веки вечные.

Корсетто. Эка жалость, что не пришлось мне сразиться в той баталии.

Ферранте. Что и говорить. Более слаженного войска ты еще не видывал: все солдаты как на подбор — так и сияют радостью; капитаны исполнены усердия; ополченцы, точно в старые добрые времена, являют образец слаженности и порядка; а главное, узрел бы ты неземную милость, превеликую рачительность и необычайную фортуна несравненного нашего императора, коего все мы с нетерпением и надеждой уповали увидеть после Туниса в Константинополе.

Корсетто. Воистину, блаженны христиане нашего века, коим выпало счастье жить под столь могущественным и священным покровителем! Продолжай.

Ферранте. Как освободили нас, пожелал Нофрио Валори взять меня с собой во Флоренцию, где

помимо прочего сыскал мне место в гвардии — уж это тебе ведомо. Однако во всех своих перипетиях я ни на мгновение не забывал о моей Джиневре. Ну а что было со мной дальше, ты и сам знаешь.

Корсетто. Где же ты так лихо наловчился нашемуговору?

Ферранте. Хотя я и кастильянец, но родом из Генуи. Там меня и взрастили, в доме мессера Фабрицио Адорни, знатного купца и близкого друга моего отца.

Корсетто. Теперь я уразумел, отчего ты вечно невесел, только нынче утром малость приободрился. Но зачем же надобно было наниматься к Гульельмо, да еще под чужим именем?

Ферранте. Погоди, ведь я еще не дошел до самого главного.

Корсетто. Сказывай.

Ферранте. Помнишь, как на прошлое Рождество прибыли мы с товарищами поразвлечься на пару денечков в Пизу?

Корсетто. Ну помню. Только при чем здесь это?

Ферранте. Сейчас поймешь. Не прерывай. Прогуливаясь как-то под вечер около дома Гульельмо, заметил я в окошке юную красавицу, и почудилось мне, будто это моя Джиневра. Поразмыслив, я рассудил, что это вполне могла быть именно она, ведь как раз в здешних морях мы и попали в плен. От трактирщика я узнал, что дом этот принадлежит некоему Гульельмо, что своих детей у Гульельмо нет, зато живет у него девица, которую несколько лет назад он получил в дар от какого-то благородного господина, вырвавшего ее из лап сарацинов. Теперь уж я наверное знал, что это и есть Джиневра. С невиданной прежде силой разгорелась во мне унявшаяся было за это время страсть. На следующее утро я вернулся, чтобы проверить, признает ли она меня. Джиневра смотрела так, словно перед ней был первый встречный. Ничего удивительного, ведь она еще ни разу не видела меня с бородой: когда нас разлучили, на ее месте едва пробивалась слабая щетинка. Все это навело меня на мысль дознаться каким-либо манером, прежде чем откроюсь ей, помнит ли она о своем Ферранте или же, напрочь позабыв о нем, увлеклась кем-то еще. Я не измыслил лучшего способа, как, сменив имя, определиться слугой в ее дом. Посему, возвратившись во Флоренцию, уговорил тебя выпросить у капитана

отпуск и привез сюда, чтобы в случае надобности ты оказался рядом.

Корсетто. Тонко рассчитано. Ну, а потом?

Ферранте. Проник я, значит, в дом Гульельмо и ну служить да прислуживать с таким усердием, что за несколько дней снискал благосклонность хозяина и девицы. Лоренцино сюда, Лоренцино туда — все проходило через мои руки. А сам тем временем присматриваю за Джиневрой: что она да куда. Присматриваю и не вижу в ней ничего, кроме тихой печали, благочестия и доброты, за каковые и пригрел ее старик Гульельмо, словно родную дочь. Так что все мои подозрения, будто сердце ее отдано другому, отпали сами собой. Теперь предстояло увериться, помнит ли она обо мне. Подгадав удобный случай, вчера вечером я завел с ней беседу о разных разностях, а потом — возьми да и примись рассуждать о всемогуществе любви. Гляжу, слова мои премного ее взбудоражили. Ну, думаю, самое время спросить, а не знавала ль она в Валенсии некоего Ферранте ди Сельваджо. Как услышала Джиневра это имя, так вся бледностью покрылась. Смотрит мне прямо в глаза и, глубоко так вздохнув, вопрошает: отчего это вдруг я любопытствую? Не было у меня, отвечаю, другого такого товарища, как он. А сам подмечаю: мелькнула у нее догадка, что перед ней Ферранте и есть. Смотрит на меня пристально, глаз не сводит. И понял я, что признала наконец. Но для пущей верности спрашивает: «Неужто вы и есть тот самый Ферранте?» При этих ее словах я более не мог сдерживаться и открылся ей. Мы бросились друг другу в объятия. Слезы умиления брызнули из наших глаз. Не помня себя от радости, мы поведали друг дружке обо всех своих злоключениях.

Корсетто. Счастливики! Вот что значит постоянство в любви! Такой случай, хоть в театре представляй!

Ферранте. Не стану расписывать тебе нашу радость, иначе я и до утра не закончу. Главное, прикинули мы, что ежели откроем Гульельмо все как есть — хоть лопни, не поверит старик, и будет только хуже нам обоим. Посему вознамерились мы скрытно бежать из Пизы этой же ночью. От тебя, Корсетто, потребуются вот что: сыпь что есть духу к Арно, вели снарядить какую ни есть лодчонку и держи ее наготове. Ближе к ночи будь рядом со мной на случай, ежели Гульельмо

или кто другой станут чинить нам препятствия. Тогда мы постоим за себя, а буде занадобится, порешим его, и дело с концом.

Корсетто. Ни слова больше. Ради тебя пожертвую чем угодно, даже самой жизнью. Делай, что собрался, об остальном я как-нибудь позабочусь. А куда мы отправимся?

Ферранте. После обмозгуем. Знай же все до конца: сегодня мне предстоит сорвать сладчайший плод из вожделенного сада, редчайшую розу из желаннейшего цветника, ибо Джиневра обещалась, коли достанет времени, одарить меня цветком своей девственности. О, несказанный день, сколько восторгов ты мне готовишь!

Корсетто. Бог вам в помощь, дабы не вышло как в прошлый раз.

Ферранте. За дело! Не будем терять время. Беги, Корсетто, и устрой все как надобно.

Корсетто. Несусь, как ветер, кратчайшим путем.

Ферранте. Полагаюсь на тебя.

Корсетто. Слажу в наилучшем виде.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ферранте, один.

Ферранте. Не худо бы подкрепиться на дорожку. А уж потом отдамся без остатка во власть Джиневры. Да не забыть бы еще прикупить кольчугу. Прощайте. Никому ни слова. Вопрос жизни и смерти.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Верджилио и Маркетто, слуги.

Верджилио. По-твоему выходит, мессеру Джаннино не на что уповать, и Лукреция ни за что не смягчится?

Маркетто. Ни за какие коврижки.

Верджилио. А где ожерелье?

Маркетто. При мне.

Верджилио. Видала его Лукреция?

Маркетто. Какое там. Чуть слышала о мессере Джаннино — вся вспыхнула, даже с места вскочила.

Верджилио. Раньше надобно было вынуть ожерелье-то: золотой молоток и железные ворота прокует.

Маркетто. Прокует, да не подкует. Для Лукреции золото — равно как для тебя твой камзолишко.

Верджилио. Видно, заявился ты в неурочный час. С ихней сестрой ведь что главное: верную минуту улучшить.

Маркетто. Доподлинно тебе скажу: ничего у нас с ней не выгорит.

Верджилио. А я нюхом чую, Маркетто: чирикает над ее ушком какой-то воробышек. Иначе с чего бы ей так невзлюбить мессера Джаннино?

Маркетто. Какой такой воробышек? Что чирикает?

Верджилио. Ну и олух же ты! Путается она с каким-нибудь молодчиком, вот он и задурил ей голову.

Маркетто. Тут ты можешь на меня положиться: уж я бы заметил, коль что не так. От бывалого глаза никаких шашней не утаишь. Сколь мне ведомо, здесь все честь по чести. Она день-деньской только и твердит что о святых да угодниках.

Верджилио. Тоже мне, простушка. Неужто ей невдомек, что в ее лета не святошами надобно голову себе забивать? Ведь, поди, уж не младенец. Который ей годок, по-твоему?

Маркетто. На вид лет двадцать будет.

Верджилио. Вот-вот, оно самое... Мало кто из женщин не чует своей выгоды! Однако, глядя на нее, не скажешь, чтоб чутье и разум были здесь сильны.

Маркетто. Сильны иль не сильны, а мессеру Джаннино только ее и подавай. Послушал бы меня, так уж давно бы ее из сердца вон.

Верджилио. Чему-чему, а этому не бывать. Скорее он тыщу раз смерть примет.

Маркетто. По мне, так уж лучше смерть.

Верджилио. Может, кого на подмогу призвать, а, Маркетто?

Маркетто. Зовите кого угодно, только проку все одно никакого не выйдет. Вот разве что испробовать один способ.

Верджилио. Какой еще способ?

Маркетто. Сейчас открою. Но если и это не посо-

бит, то мессер Джаннино может махнуть на меня рукой. Правда, сперва уговоримся: буде способ мой сгодится, обещаю, что мессер Джаннино исполнит любую мою волю.

В е р д ж и л и о. Ежели эта воля нас не заневолит.

М а р к е т т о. Месяц с небольшим будет как затесался к нам в дом слуга по имени Лоренцино. Уж не знаю, право, чем он взял, только хозяин так к нему раздоверился, что прямо все в доме проходит через его руки. Да и Лукреция всячески к нему благоволит; попривыкли они друг к дружке, частенько уединяются для долгих бесед. Так вот, а не заручиться ли мессеру Джаннино его содействием?

В е р д ж и л и о. Если все как ты толкуешь, то сдается мне, что этот Лоренцино плетет вокруг нее свои сети. Потому Лукреция и нелюбезна с нами.

М а р к е т т о. А то прежде была сущим ангелом?! Не хотите — как хотите. Будто есть у вас еще какое средство?

В е р д ж и л и о. Верно говоришь. Не далее как сегодня что-нибудь порешим на сей счет.

М а р к е т т о. Так хочешь знать, что мне надобно от мессера Джаннино, коли наш замысел удался?

В е р д ж и л и о. Что же?

М а р к е т т о. Чтобы всеми правдами и неправдами он выкурил из дома этого шута Лоренцино; хоть к себе в услужение, хоть куда еще — лишь бы не мелькал у меня перед глазами, потому как под одной крышей нам житья не будет.

В е р д ж и л и о. Расстараюсь как смогу — сладилось бы дело. Немедля расскажу обо всем хозяину. Он, должно быть, заждался меня у золотых дел мастера.

М а р к е т т о. Помни о нашем уговоре.

В е р д ж и л и о. Уговор дороже денег.

ЯВЛЕНИЕ

Маркетто, один.

М а р к е т т о. Куда как славно было бы спровадить из дома этого паршивого Лоренцинишку! Я что соображаю: не мытьем, так катаньем. Коли он улестит Лукрецию — да и то навряд ли, — мессер Джаннино не сможет

не сдержатъ данного слова. Ну а коли Лукреция упрется, шепну Гульельмо, что он пустил козла в огород. В гнѣве старик вышвырнет Лоренцино за порог, а то и похуже что учинит. Так на так и выйдет, избавлюсь от этой скотины. Он меня будто и не замечает, а я терпеть его, бездельника, не могу! Пстой, никак, меня кличут. А, чтоб вас всех!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

П а н ц а н а, один.

П а н ц а н а. На конюшню мне б сейчас,
Я б не свел с лошадок глаз;
Эх вы, кони-кобылицы,
Налбуюсь ли на вас!

Отведаю-ка еще этого марципанчика. М-м! Вкуснота — не оторвешься! Надобно думать, из Сиены! А эти куропатки? Смак — язык проглотишь! Да, хозяин мой хоть и обжора, но знает в жизни толк. Хорош бы я был, коли ушел бы к другому! Уж лучше терпеть этого сумасброда и есть за троих, чем служить у мудреца и перебиваться с хлеба на воду. С некоторых пор только и слышишь, как он сам себя расхваливает и заливает всякие небылицы про то, каков он удалец. Я, вестимо, киваю и поддакиваю, а сам нет-нет да и прысну в кулачок! Погоди-ка, кто это там еще?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

С г в а ц ц а, прихлебатель, и П а н ц а н а.

С г в а ц ц а. Ну разве это не каплуны? Всем каплунам каплуны! Кто скажет, что я не мастер распорядиться своими денежками? Ха-ха-ха! Поди-ка, купи таких всего за скудо!

П а н ц а н а. Затряси меня лихорадка! Это ж Сгвацца! Где таких каплунов отхватил, собачий сын?

С г в а ц ц а. Где взял, там уж нет, друг любезный. У самого-то эвон какие куропаточки. Жирненькие!

Живешь у своего хозяина, как у Христа за пазухой. Во всей Пизе не сыщется такого господина, который потягался бы с ним в роскоши. Заруби себе это на носу.

П а н ц а н а. Что верно, то верно: поесть он не дурак. Вылитый ты. Главное дело, в доме всегда найдется всеразличной снеди на шестерых едоков; а нас-то всего двое: хозяин да я. Вот и нынче к столу четверть козленочка, восемь дроздов, ползайца да эти куропатки.

С г в а ц ц а. Экий стервец! Катаешься, ровно сыр в масле! Кабы не был ты моим другом-приятелем, уж я давно бы втерся к нему в доверие.

П а н ц а н а. Сколько раз я тебя просил, Сгвацца: хочешь со мной компанию водить — не лезь к нам в дом. За порогом будем друзьями — не разлей вода.

С г в а ц ц а. А ведь чует, что не смогу ему отказать! Тем паче и я пока горя не знаю с неким мессером Джаннино: кручу-ворочу, как Бог на душу положит. Он-то как есть сбрендил от любви: ничегошеньки не замечает окрест себя да и отваливает мне деньжат, сколько попрошу. И покамест дурь эта не вышла у него из головы, уж я поживу припеваючи. Пускай себе мечется в слезах да стенаниях, а я, не будь дурак, покучу-погуляю, все соки из него повыжимаю. Ох уж мне эти влюбленные! Распустят нюни — прямо и смех и грех! Бедолаги: не жизнь у них, а сплошное мучение! Ни тебе выпить, ни закусить как полагается.

П а н ц а н а. Твой-то что! Молодо-зелено — сто раз перемелется. Моему, глядишь, под пятьдесят, а все туда же: влюбляется, как юнец. Этакого бабника еще поискать! Про таких, как мессер Лигдонио, говорят: седина в бороду — бес в ребро! Вот он и молодится с самого утра, все бородку себе подкрашивает. Весь день напролет мурлычет — стишки любовные пописывает. Слышал бы эти вирши: чушь несусветная. Иной раз кликнет меня и тычет в нос какое-нибудь любовное послание. Такая ахинея, что и передать никак невозможно; чего там только нет: «ошеломленные луга», «достопамятные воды», «игристое дыхание», «упитый мыслию, свербящей в розовых сердцах ее души», и прочая галиматья, от каковой хоть волком вой.

С г в а ц ц а. Матьер Божья! У меня от такой околесицы башка раскалывается! Но еще хуже, когда всякие там умники брюзжат: «сей глагол противен италианскому наречью»; «сие пристало более французской

речи»; или «Фи, как грубо!» Задави их болячка! Что бы им по-людски не балакать? Мне-то что за дело, откуда да куда? Возьмем хотя бы этих каплунов: ну на кой ляд мне знать, как они там по-правильному прозываются? Довольно с меня того, что я их потрескаю за милую душу. Такое мое понятие и о разных прочих фитюльках.

П а н ц а н а. Вот и я о том. От своего одни учености и слышу. Он у меня вот уже где сидит.

С г в а ц ц а. Зато лопаешь до отвала.

П а н ц а н а. Кабы не это — только меня там и видели.

С г в а ц ц а. Что ни говори, Панцана, а сытое брюхо — наипервейшее дело. Любимая весть, как скажут, что пора есть. Куда там дамы, богатство, красота, почести, добродетели! Да пусть все эти сочинители, заодно с дамочками, хоть в тартарары ухнут — был бы обед, а ужин не нужен. Я не драться, не бороться: мне бы посытнее напороться. Это для меня поважнее императорской короны будет.

П а н ц а н а. Истинно говоришь! Словно в душу ко мне заглянул! Тому судьба улыбается, кто досыта наедается; ему и супы, и закуски, и соусы, и подливы, и разносолы, и пироги, и всякая всячина найдутся! А уж вкушать все это — верх блаженства!

С г в а ц ц а. Лично я о разносолах не очень-то пекусь. Мне перво-наперво подавай отварного мяска благородных кровей, да похлебку по-турецки погуще да посмачнее, да суп-пюре с тертыми овощами и соусом, да тушеное мясо не передержанное, да жаркое понежнее. Да чтобы всего вдосталь было. И ежели мясо, то от телочки или козленочка, и не меньше четверти окорочка; да каплунов, фазанов, пулярок, зайчатины, дроздов, а главное — доброго вина. Об остальных приправах, подливах и прочем мне и толковать сейчас недосуг.

П а н ц а н а. Да ты мудрее самого папы римского! Уж больно ты мне по нраву! Ври дальше, твои речи мне что бальзам на душу.

С г в а ц ц а. Вот я и говорю, что ради этого и стоит жить на свете. Все прочие улады — сущий вздор. Возьми хотя бы музыку: одно сотрясение воздуха, да и только. Ни языку, ни брюху. То ли дело, когда кошелек набит деньжатами: тут тебе сам черт не брат. Ешь, пей — не хочу. И на что еще они нужны? С любовью и вовсе беда. Ума не приложу, и чего в ней такого? Иные только и знают, что красоваться целыми днями. Разоденутся в

пух и прах, что ни вздохнуть, ни выдохнуть; надушатся с ног до головы, натянут модные чулки, напялят щегольские штаны, нацепят расшитую рубаху и застынут как чурбаны, чтоб ни одна тесемка не развязалась. Как завидят дамочку — ну перед ней расшаркиваться да острословить; а то еще выждут удобный момент и, проходя мимо, эдак-то стрельнут в нее взглядом, а она ему в ответ — зырк! — а он ей пару яблок сунет, а она ему обратно одно, а он его поцелует и индюком вокруг расхаживает; напоследок воззрится на нее томным взором, да вздохнет со значением и пойдет себе с Богом. Под вечер вернется в новом платье и пригласит ее на танец; стиснет ей в хороводе ручку, а потом начнет хвататься, будто это она ему руку сжала, а ночью не заснет и, знамо, надокучит всем своими бреднями. Тьфу! Одно слово — бабники! И какого рожна им всем надо? Сплошная дурь да капризы! Ведь ежели хоть один из них, после всех своих страданий и стенаний, ухлопав на ухаживание уйму времени — все одно, что псу под хвост, — получит от нее сладостный дар, он и четверти часа с ней не задержится и хоть в омут ее бросит — лишь бы поскорее от нее избавиться. Иное дело еда да питье, а, Панцана? Всякий тебе подтвердит: пей горячее, ешь солонее — житье будет веселее. А все прочее одна блажь и сердцу морока.

П а н ц а н а. С ума сойти, до чего складно выводишь! Во всем с тобой соглашусь. Пускай этих баб разбирают, кому охота пристала.

С г в а ц ц а. Коли приспичит мне обзавестись бабенкой, знаешь, какую бы выбрал? Хотя лучше бы вовсе никакой, но ежели на то пойдет, пусть будет толстенкой, да молоденькой, да румяньей, как жареный поросенок на вертеле. Вот такой и полакомиться не грех.

П а н ц а н а. Ха-ха-ха! Чтоб тебя! Ха-ха-ха! Толстенкая да поджаристая!

С г в а ц ц а. Так-то вот, Панцана. Ну мы с тобой еще побалагурим, а теперь пора мне, не то мои каплуны вовек не сварятся.

П а н ц а н а. И мои куропатки тоже. Надо же, за разговором с тобой я и думать про них забыл!

С г в а ц ц а. И то верно. Ну, бывай.

П а н ц а н а. До скорого свидания.

С г в а ц ц а. А ведь и впрямь не сварятся: до обеда-то всего ничего осталось. Ладно, как-нибудь состряпаю.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мессер Джаннино и Верджилио.

Мессер Джаннино. И даже не взглянула на ожерелье и не пожелала обо мне слышать? Жестокосердая!

Верджилио. Все, как я сказывал. Если Маркетто не водит нас за нос, то при одном упоминании о вас она аж вся вспыхнула и вскочила с места.

Мессер Джаннино. Ах, немилостивая судьба! Коли подцепит кого своими безжалостными рогами, так уж изорвет в клочья! Бедный я, горемычный! На что мне еще уповать? О, женщины! Когда вы видите, что кто-то у вас в руках, как умело вы им вертите! Верджилио, братец, хоть ты меня не бросай!

Верджилио. Не отчаивайтесь, хозяин. Сердце подсказывает мне, что совет Маркетто насчет Лоренцино пойдет нам впрок.

Мессер Джаннино. Как бы не вышел нам этот совет боком. Сдается мне, что Лоренцино и есть причина всех моих бед.

Верджилио. Это как же?

Мессер Джаннино. Проще простого. Поди, забавляется с этим Лоренцино моя Лукреция да потешается надо мной вместе с ним.

Верджилио. Ах, мессер Джаннино! Ни в жизнь не поверю, чтобы благородная дама стала путаться со слугой. К тому же столь достойная и великодушная особа, как Лукреция.

Мессер Джаннино. Не спорю, таких, чтобы водили амуры со слугами, можно по пальцам перечесть. Однако как бы по воле злого рока Лукреция не оказалась одной из них. Та доверительность, что, по словам Маркетто, установилась меж ней и Лоренцино, наводит меня на самые мрачные мысли. Клянусь Пресвятой Богородицей, коли дознаюсь, что дело тут нечисто, отмщу беспощадно, дабы другим неповадно было водиться с челядью.

Верджилио. Уверен, что ваши подозрения напрасны. Ведь еще до того, как Лоренцино нанялся к старику Гульельмо, Лукреция была ничуть не сострадательнее к вам, чем теперь.

Мессер Джаннино. Поверь, Верджилио, от

этого мне не легче. Ужли природа наделила ее такой черствостью и бессердечием, что все это время в ней не пробудилось ни чуточки сострадания к моим мукам?

В е р д ж и л и о. Может статься, и пробудилось, да только она не осмеливается раскрыть душу Маркетто, ибо если не знать его, как знаем мы, то особого доверия он не вызывает.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Могла бы и смекнуть, что я не стал бы подсылать к ней первого встречного, поскольку пекусь о ее чести не меньше ее самой.

В е р д ж и л и о. Для женщины, мессер Джаннино, это наиважнейшее дело. Коли изыщете способ развеять всякие сомнения, то уж не будете понапрасну обвинять ее в жестокости. Скажите, как уверите вы Лукрецию, что намерения ваши — не притворство?

М е с с е р Д ж а н н и н о. Притворство? Неужто способен на притворство тот, кто целых три года снедаем нескончаемым страданием, кто исполнен пылкой страсти, кто отринул всякие утехи и пребывает в полном отчаянии, кто позабыл обо всем на свете — о родном отце, сестре, отчизне, чести и довольстве? Это ли притворство?

В е р д ж и л и о. Подобное нередко встретишь и у разных распутников. И слезы, и стенания похлеще ваших. Чем желаннее цель, тем больше напускных страстей.

М е с с е р Д ж а н н и н о. О Боже! Когда благоразумна женщина, то разберет, где плевелы, а где пшеница. Ты-то знаешь, Верджилио, притворство это или истинное чувство.

В е р д ж и л и о. По моему разумению, вам следовало бы испробовать Лоренцино, ибо я немало на него уповаю.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Ты полагаешь?

В е р д ж и л и о. Полагаю, что хуже от этого не станет.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Посулю ему золотые горы, а ежели он откажет в содействии, буду знать наверное, что опасения мои верны. Как ни предан слуга хозяину, а мало найдется таких, кто бы не продался со всеми потрохами за порядочный куш. Вот увидишь, ежели выйдет, что я прав, то гнев мой равен будет любви, что питаю ныне к Лукреции.

В е р д ж и л и о. Об этом мы еще потолкуем, а покуда будем уповать на лучший исход.

Мессер Джаннино. Сегодня же сыщи этого Лоренцино и приведи его ко мне.

Верджилио. Вряд ли я схожусь для сей цели; днями мы и так наговорили друг другу немало разных слов. Всего уместнее отрядить Сгваццу, как отобедаем.

Мессер Джаннино. И то верно. Пора домой: он уж, поди, справил все к обеду.

Верджилио. Пойдемте.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Аньолетта, одна.

Аньолетта. Уф, Святая Агата! Скажу без утайки: коль пошла служанка на посылки, не дадут прохода разносчики своей милке! Уж и помяли меня, и потискали! Господи помилуй! До чего надоели мне все эти щипки и сальные словечки! «Мила ты телом, так угоди и делом!»; «Аньолетта, мое сердце, не желаешь ли рыбку с перцем?»; «Эй, молодуха: нужен дружок — заходи на часок!» И ну пощипывать меня да полапывать, и сзади, и спереди — кто во что горазд! Дай им волю, так и взяли б в охапку и потащили бы в лавчонку, а уж там отвели бы душу! Ох, не просыпала ли пудру? Нет, все в целостности-сохранности. И так чуть было честь на лесть сегодня не сторговала. Как вошла в лавку, так парфюмер на меня враз глаз положил и давай умасливать: хорош, говорит, товар, да не залежался ли за заветной дверцей? Не пора ли, дескать, в щелку ключик вставить? Ну и разное такое непотребство. Мне этикие прибаутки не впервой слышать, только потом всякий знай рыло воротит. Так что я ему в ответ: товар-то есть, да не про вашу честь. А он меня хватъ за руку — и потащил в кладовку; за пазухой шарит, куда поукромнее норовит добратся. Тут, откуда ни возьмись, подоспела его супружница. Ну, парфюмер мой вмиг оправился да и отпустил меня с Богом. Однако, скажу не таясь, еще немного — и разменяла бы я пудру на любовное семя. Скажу хозяйке, пускай в другой раз сама идет, коль приспичит. Гляди-ка, не Лоренцино ли там, слуга Гульельмо? Так и есть, вот кстати! Битый месяц рвусь с ним повидаться, а он все нос задирает, будто и не за-

мечает. Зато нынче сам не свой от радости. А ну как приветит-приласкает? Вот бы залучить его на чуток в мой погребок! Ужо пришлось бы к месту: распалил меня парфюмер, так что тело пропотело, испытать захотело.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Ферранте и Аньолетта.

Ферранте. Что за утро, все идет как по маслу! За каких-то пять скудо отхватил такую кольчугу, что на все двадцать потянет.

Аньолетта. Эй, красавчик, стой!

Ферранте. Вот уж и впрямь, как заладится, так и не разладится.

Аньолетта. Ну что уставился, Лоренцино?

Ферранте. Кто это уставился?

Аньолетта. Да ты.

Ферранте. У тебя прямо нюх, Аньолетта. Я еще и подумать о тебе не успел, а ты уж тут как тут.

Аньолетта. Кое-кто по нему сохнет, а он и бровью не поведет.

Ферранте. Вот те раз! Счастье само в руки плывет.

Аньолетта. Тебе все хиханьки да хаханьки, а я, промежду прочим, всерьез.

Ферранте. Всерьез так всерьез, только не ко мне спрос. Нам сейчас не до служанок!

Аньолетта. Ты, верно, из тех сладкоежек, что кладут на зубок лишь холеный кусок. Задурили вам голову напомаженные да разодетые хозяйки! А того не ведаете, что под юбками наша сестра, служанка, и понежней и посмачней будет. Кто-кто, а я-то знаю, на что они годны, чай, немало их перевидала. Сверху густо, а снизу пусто!

Ферранте. Ох и бедовая ты девка, Аньолетта! Чего ж тебе от меня надо?

Аньолетта. А того, чтоб приголубил меня, а не изводил; чтобы нет-нет да и заглядывал подкрепиться ко мне в погребок. Вот хоть бы сейчас, все равно без дела маешься.

Ферранте. С такой и соблазниться недолго.

Аньолетта. А что, подумаешь, невидаль какая.

Ферранте. Навру ей с три короба, а то ведь не отлипнет. Так и быть, что с тобой поделаешь.

Аньолетта. Вот это я понимаю. Ну так пошли?

Ферранте. Сказать взаправду, сейчас не след мне разгуливаться.

Аньолетта. Когда же будет след?

Ферранте. Завтра.

Аньолетта. Завтра — не сегодня: до завтра дожить еще надо. Чего нам тянуть?

Ферранте. Ладно, сегодня так сегодня.

Аньолетта. Ведь обманешь, не придешь.

Ферранте. Говорят тебе, приду.

Аньолетта. Тогда поцелуй, коль не врешь.

Ферранте. Это можно.

Аньолетта. Тоже мне, поцеловал. Как из-под палки!

Ферранте. Погоди, еще наверстаем сегодня.

Аньолетта. Смотри же, не обмани.

Ферранте. Сказано тебе: буду.

Аньолетта. Тогда до скорого.

Ферранте. Прощай.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Ферранте, один.

Ферранте. Фу-ты, отвязалась наконец. Самое мне сейчас время волочиться за этими бесстыжками, ненасытными девками! Да явись сюда хоть все богини и княгини и какие ни на есть раскрасавицы со всей Сиены и обласкай и улести меня, как только можно, я и тогда не променял бы их на один только взгляд моей Джиневры. Не говоря уж о том, что... о Боже... ждет меня сегодня. Те, кто сам испытал подобное, поймут меня. А до остальных мне и дела нет. Итак, вперед! Лучше мне сейчас сидеть дома, а не шататься по городу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мессер Джаннино, Сгвацца, Верджилио,
Корнаккья, повар.

Мессер Джаннино. Уж ты поусердствуй, Сгвацца, склони этого Лоренцино на нашу сторону. Одна надежда теперь на тебя. Вот и Верджилио подтвердит, как я на тебя уповаю.

Верджилио. Сгвацца и без того все знает.

Сгвацца. Я что, мессер Джаннино, я человек маленький, да и в кармане у меня вошь на аркане. Однако преданней слуги вам не сыскать.

Мессер Джаннино. Постой, что значит «вошь на аркане»? Может, боишься, что недостаточно щедро тебя отблагодарю? Так знай: сладится это дело или нет — ты у меня внакладе не останешься. Ну а если у нас с Лукрецией все придет ко счастливому концу, быть тебе хозяином моего добра во сто крат ббльшим, чем я сам. И чтоб я боле не слышал от тебя ни про каких вшей.

Сгвацца. Ваше добро вашим и останется. С меня довольно и того, чтоб вы с охотой жаловали Сгваццу в своем доме.

Мессер Джаннино. Ну и полно об этом. Не пройдет и дня, как узнаешь, сколь я к тебе благоволю. А пока ступай не мешкая за Лоренцино. Найдешь меня в лавке у Гвидо, золотых дел мастера; потороплю его с кольцом: пусть Лоренцино, ежели изъявит к тому готовность, снесет его Лукреции нынче же вечером.

Сгвацца. Не извольте беспокоиться: все улажу в лучшем виде.

Мессер Джаннино. Корнаккья!

Корнаккья. Я здесь, сударь!

Мессер Джаннино. Сойди-ка сюда.

Верджилио. Мой вам совет, хозяин: не стоит с ходу доверять этому Лоренцино столь дорогую вещь. Этакая драгоценность не меньше чем на сто скудо потянет.

Мессер Джаннино. Что мне сто скудо, когда решается жизнь моя?

Корнаккья. Вот он я, хозяин. Чего прикажете?

Мессер Джаннино. Кто пожалует — сказывай, я в лавке у Гвидо, золотых дел мастера. Уразумел?

Корнаккья. Будет исполнено.

Мессер Джаннино. Пойдем, Верджилио. А ты, Ствацца, принимайся за дело.

Ствацца. Примусь без проволочек. Хорош бы я был, коль наперед не обделал бы свои делишки! Отправляюсь прежде в дом прокурора. Он имеет обыкновение поздно садиться за стол. А стол у него так и ломится от яств. Еще бы ему не ломиться: цельный день волокут всякие приношения. Хотя я и навернул за милу душу, а все ж большому куску и рот радуется. Прощайте.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Панцана и мессер Лигдонио.

Панцана. Что это мы впопыхах выскочили из дома, даже не кончив трапезы, а, мессер Лигдонио?

Мессер Лигдонио. Сказать по правде, у меня предчувствие, что, отобедав, Маргарита направится в монастырь Святого Мартина и пробудет там до возвращения маэстро Гвиччардо из Рима.

Панцана. Что за чертовщина, откуда вы об этом прознали? Поди, столковались с ней, а мне ни слова.

Мессер Лигдонио. Вовсе нет. Не то всенепременно сказал бы.

Панцана. Насмехаетесь надо мной? Наверняка уж поладили с ней, вестимо дело.

Мессер Лигдонио. Ха-ха-ха! Ну и плут!

Панцана. Думает, я клюнул. Нет уж, дудки.

Мессер Лигдонио. Чего ты там бормочешь?

Панцана. Болтаться мне, говорю, на виселице, если это не так.

Мессер Лигдонио. Клянусь, все это выдумки.

Панцана. Так я вам и поверил. От кого же, как не от нее самой, вы об этом сведали?

Мессер Лигдонио. Ужели неведомо тебе, что на поэтов спускается порой невинный дух прозренья?

Панцана. Как, как? Не винный? Стало быть, вина они ни-ни?

Мессер Лигдонио. Эх, горемыка! Вот что значит невежество! Сколько жительствоуешь в моем доме, а все такой же неотесанный. Разве что со временем дойдет до тебя суть моих слов. Так о чем бишь мы?

Панцана. Ну и голова! Почем мне знать, мы наукам не обучены.

Мессер Лигдонио. Ах да. Вспомнил. Величественна, любезный мой Панцана, *est animus poetorum*¹.

Панцана. Мне ваши заумности — что китайская грамота. А еще дивитесь, что ни бельмеса в них не смыслю.

Мессер Лигдонио. И то верно. Вечно забываю, с кем имею дело.

Панцана. Скажите лучше, хозяин, вы верно знаете, что Маргарита должна выйти из дома?

Мессер Лигдонио. Вернее не бывает. Иначе стал бы я срываться с места в такой-то час?

Панцана. И что же вы намерены предпринять? Неужто заговорите с ней прямо на улице?

Мессер Лигдонио. А отчего бы и не заговорить? Что тут срамного? Нынче заведено сопровождать дам на улице. А служанка пускай себе плетется поодаль, тогда и потолковать можно без помех.

Панцана. Хорош обычай, ничего не скажешь! Теперь влюбленные уж сами устанавливают себе обычай. Главное, прибавить «заведено».

Мессер Лигдонио. Ха-ха-ха!

Панцана. Вольно вам посмеиваться! Ей-ей, будь я дворянин и имей жену, не дозволил бы увиваться вокруг нее.

Мессер Лигдонио. Вот и напрасно. Ведь я безобиден.

Панцана. Это вы-то? Интересно, сколько рыбок вы подцепили на крючок своей безобидности?

Мессер Лигдонио. Я и говорю: раз, два — и обчелся. В книжечке моей десятка три с небольшим имен наберется.

Панцана. Хороша книжечка, на три десятка листиков. Потянешь за ниточку — весь клубок и распустится.

---

¹ Есть душа поэта (*лат.*).

Мессер Лигдонио. Больно ты шустрый, как я погляжу. Не так-то все просто.

Панцана. Бедные рыбки — в чью пасть их занесло! Скажите, хозяин, какие такие слова ввернете вы Маргарите при вашей встрече?

Мессер Лигдонио. Да мало ли какие! Не счесть речений пышных на случай сей! Но я возьму сюжет кусачий.

Панцана. Как так кусачий? Что за собачье словцо?

Мессер Лигдонио. Погоди, дай сперва договорить. Подберу поудобней предлог, пожурю ее за черствость и немилосердие, да как-нибудь так, чтобы она не догадалась, куда я клоню.

Панцана. Ладно задумано. Глядишь, это ее и проймет.

Мессер Лигдонио. Вот об этом и поведу речь, хотя нужных слов еще не подобрал.

Панцана. Чего ж вы мешкаете? Ведь скоро ей выходить.

Мессер Лигдонио. Твоя правда. Но прежде хочу проговорить все сам.

Панцана. Вообразите, что я — это она, и зачинайте.

Мессер Лигдонио. Изволь. Теперь умолкни. Дай поразмыслить.

Панцана. Приготовьтесь: сейчас он выложит такое!.. Тихо, тихо! Кажись, созрел.

Мессер Лигдонио. Итак, Панцана, слушай, коль не прочь. Мы с тобой поджидаем Маргариту здесь; другим путем она не может пойти. Едва подойдет она на три с половиной шага, я появлюсь перед ней весь бледный, словно чем-то удручен, как предписывает в оных случаях Овидий, отвечу ей почтительный поклон и так начну: «Да хранит вас Вседержитель...»

Панцана. Прямо славословие Богородице.

Мессер Лигдонио. Поворотись-ка лучше: к тебе как-никак обращаются. «Да хранит вас Вседержитель, моя извечная душа...»

Панцана. Да вы, не иначе, в стихах порешили изъясняться?

Мессер Лигдонио. Осел, какие же это стихи? Более возвышенного начала и не придумаешь. И не

прерывай, покуда не закончу. «Да хранит вас Вседержитель, извечная моя душа, и так далее в том же духе. О, если б мои чувства были сладостно красноречивы, то, изгородь пробив стесавшихся зубов, они б влилися шелковистой влагой слов в лилейного отлива ваши уши, подобно всемогущему Зевесу, что снизошел с сияющего неба и, обернувшись блеском золотым, спустился поступью неспешной в утробу любово-страстной Леды. А посему, драгая Маргарита, проникнуться должны вы хотя б толикою благоутробия ко мне». Dixi ¹.

П а н ц а н а. Ну и подвалило же мне счастья, что остался я неучен! Теперь-то до меня дошло, что в грамоте я ни уха, ни рыла. Хоть бы слово уразумел из сказанного!

М е с с е р Л и г д о н и о. А все же, как тебе?

П а н ц а н а. Откуда мне знать — как, ежели я и сотою доли не ухватил?

М е с с е р Л и г д о н и о. Доверься моей опытности: слова неотразимы. Главное, чтобы она все выслушала.

П а н ц а н а. Выслушает, куда ей деться. Я вот еще о чем покумекал: этакие словеса служанке уж точно не разобрать.

М е с с е р Л и г д о н и о. Пожалуй, верно. А знаешь ли, Панцана, которые из этих слов мне милей всего?

П а н ц а н а. Да как мне знать, коль не понял, где Богородица, а где Божья мать?

М е с с е р Л и г д о н и о. Особенно ласкают мне слух «шелковистые словеса». В них столько риторического пыла, что тебе и не ведомо. От «любово-страстной Леды» меня просто в жар бросает, хотя точно и не припомню, кто там на самом деле: Леда или Дафна. Ну да невелика важность, главное, чтоб вышло на старинный римский манер.

П а н ц а н а. Постойте-ка. Вроде открылась дверь Маргариты.

М е с с е р Л и г д о н и о. Пробил час! Покуда есть время, протвержу еще раз все с начала себе под нос: «Да хранит вас Вседержитель...»

П а н ц а н а. Точно, она! Пора, хозяин.

---

¹ Я все сказал (*лат.*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Маргарита, Аньолетта, Мессер Лигдонио
и Панцана.

Маргарита. Поторопись, Аньолетта!

Мессер Лигдонио. Как подойдет ближе, притаись за углом, чтобы она тебя не заметила.

Панцана. Будет сделано.

Мессер Лигдонио. Замешкалась у входа.

Панцана. Послушайте, хозяин. Вот удобный случай: шпарьте прямо к ней, покуда рядом никого, и заводите свои речи. А ну как она разохотится и затащит вас в прихожую?

Мессер Лигдонио. Что за вздор ты мелешь! Рисковать не стану!

Панцана. Чего трусить? Здесь надобно идти напролом.

Мессер Лигдонио. Чем черт не шутит, попробую. «Audaces fortuna prodest»¹. Стой тут. «Да хранит вас Вседержитель», ну и так далее. Эх, будь что будет!

Панцана. А мы слушаем, что он там наговорит. Ох, какой почтительный поклон! Так, что дальше? Тсс! Тихо, тихо!

Мессер Лигдонио. Всемогущий бог Зевес, сударыня, слезами шелковистыми окропил с небес вашу пригожесть, то бишь красу, точнее выражаясь. Ваша милость во мне такую пробудила элоквенцию понятий... О Боже! Память — как отшибло. Вы, часом, не в монастырь собрались?

Панцана. Ха-ха-ха!

Маргарита. Эй, что вы там бурчите? Ступайте своей дорогой! Бесстыжий старик!

Мессер Лигдонио. Покорнейше прошу меня простить. То была шутка. Дьявол, все пошло насмарку!

Панцана. Ха-ха-ха! Получайте, прелестные дамы, своего красавчика-стихоплета! Вон какие коленца откальвает! Теперь вы сами убедились, на что они годны. Весь день форсит, кичится, а как дошло до дела, так чуть было в штаны не наложил!

---

¹ Смелым помогает фортуна (лат.).

Мессер Лигдонио. Ну и дал я маху! Все дома надо было записать и вызубрить на память *ad verbum*¹. Хорошо, если Панцана ничего не видел.

Маргарита. Поживее, Аньолетта!

Панцана. Только и может, что фигурировать с утра до вечера. Перышки начистит, расфуфырится и щебечет всякую пустопорожнюю белиберду на испанский лад. «*Au, senoga, que me matais*»¹. А то еще заявится на бал, станет танцевать с дамой, и ну ей голову морочить: «Неблагодарная, вы сведете меня в могилу, ваше ангельское личико подобно Божественному лику». Такой фалалей, что только уши пришей. Обычай — бычий, а ум телячий! Не доверяйтесь, дамы, таким угодникам! На овец всяк молодец, а как попал к молодцам, так и сядет в лужу сам. Да уж вы и без того все видели. Зато спеси ему не занимать! Приставайте-ка лучше к тихой заводи «Оглушенных» — вот кто без лишних слов обнажит за вас свои рыцарские клинки. А этих пустобрехов отправьте восвояси. Однако что-то скажет мне хозяин?

Мессер Лигдонио. Ну что тут, Панцана?

Панцана. Да вот, загляделся на любезных дам.

Мессер Лигдонио. Ого! И что ж они?

Панцана. А им-то что? Они не прочь!

Мессер Лигдонио. Так ты слышал, как все прошло?

Панцана. Как же я услышу, коль вы наказали мне не слушать?

Маргарита. Ну что ты там копаешься, Аньолетта? Нашла время!

Аньолетта. Куда-то задевала ключ от ларя, а в нем гостинец. Я мигом.

Панцана. Не томите, хозяин. Сказывайте, как все было.

Мессер Лигдонио. Лучше не придумаешь. Теперь дай только срок, уж я-то знаю.

Панцана. Ну что я говорил? Хвастун из хвастунов!

Аньолетта. Вот и я.

Маргарита. Ну наконец-то! Дай взглянуть. Превосходно. А теперь поторопимся.

---

¹ Слово в слово (*лат.*).

² Ах, сеньора, вы меня погубите (*исп.*).

Панцана. Хозяин, Маргарита идет сюда.

Мессер Лигдоньо. Уйдем, пожалуй, чтоб не выгладеть назойливыми.

Панцана. Что это вы прямо до ушей покраснели?

Мессер Лигдоньо. Пошли, пошли, тебе говорят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Маргарита и Аньолетта.

Маргарита. Знаешь, Аньолетта, что тут со мной приключилось, покуда ты канителилась наверху?

Аньолетта. Что же?

Маргарита. Жду я, жду тебя у дверей, как вдруг, откуда ни возьмись, является какой-то дерзкий старикан и заводит со мной разговор.

Аньолетта. А на какой предмет?

Маргарита. Кабы слово уразумела! Да я и в толк не брала, — у меня сейчас другие заботы. К тому же вскорости я его отвадила.

Аньолетта. Кто хоть таков?

Маргарита. Мне-то что за дело? Так, пустое. Есть вещи поважнее. Скажи-ка лучше, помнишь ли, как я тебя учила, что передать моему ненаглядному мессеру Джаннино, когда вручишь ему сей гостинец?

Аньолетта. Как не помнить!

Маргарита. А коли, против обыкновения, выкажет он благосклонность, не премини расписать мою к нему симпатию, насколько хватит духу: тут уж я тебе не указ. Лишь бы уверился, что предана ему душой и сердцем. Но и честь мою при всем при этом не роняй.

Аньолетта. Не уроню и распишу. Случись этакая оказия — уж я не оплошаю.

Маргарита. И обо всем без проволочек поведай меня в монастыре. Покуда не получу от тебя вестей, не будет мне покоя.

Аньолетта. Исполню в точности.

Маргарита. Ах, Аньолетта, голубушка, прошу тебя, нет — умоляю: уж ты не пожалей себя.

Аньолетта. Иль вы мне верите, иль нет.

Между прочим, все ваши муки меня заботят пуще собственных.

Маргарита. Коли изведала хоть раз такое, поймешь мои страдания.

Аньолетта. «Изведала»? Да у вас столько годков не наберется, сколько у меня в мое времечко было воздыхателей.

Маргарита. У меня же будет только один. И пусть отец не тщится подыскать мне другого жениха, ежели не выйду за мессера Джаннино.

Аньолетта. Что до меня, то милому дружку всегда я угождала спервоначалу.

Маргарита. Не об этом мои помыслы. С меня довольно, чтоб он стремился увидеться со мной так же, как я с ним; чтоб рядом был; чтоб лобызать его могла, резвиться с ним наедине, любоваться, наслаждаться им всею душой, а главное — раскрыть ему свое чувство, ибо причину всех моих страданий я вижу в том, что он мне не верит.

Аньолетта. Сердце говорит мне, что ваш гостинец он примет и выслушает меня со вниманием.

Маргарита. Кабы все по-твоему вышло! Сколь долгими кажутся мне эти дни, что вынуждена провести в монастыре! Я не смогу утешиться даже такой малостью, как видеть его ввечеру возле моего дома. Сплошные тоскливые терзания ждут меня! Хотя бы ты почаще навевывалась к монастырской решетке, ибо душеспасительные беседы с монашками нынче не для меня; всё-то они про алтари да монастырские сады, про огороды, котиков да щенят и прочие пустяки, кои обычно их заботят.

Аньолетта. Плохо же вы их знаете. По нынешним временам им не щенят, а кобелей подавай, и не котиков, а котов, да не простых, а мартовских. Эти монашки, как никто, понавыкли в мирских и амурных делах. Не пройдет и пары дней, как вы разведаете такие их шалости, от коих у вас глаза на лоб полезут. Истинно вам говорю: прознай их пастыри о тех дьявольских выходках, кои я лицезрела за два года, что прислуживала в одном монастыре, они скорее отправили бы свои чада куда подальше. Тоже мне, нашли кого бояться!

Маргарита. Чему быть, того не миновать.

А нь о л е т т а. Нечего киснуть. А вот и монастырь.

М а р г а р и т а. Матерь Божья! Как тяжело мне будет без тебя, Аньолетта! Но главное, не теряй понапрасну время. Я и одна смогу войти в монастырь, ведь я была тут много раз и знаю, где вход. А ты тем временем ступай и действуй, как условились. Покажи, все ли мы взяли?

А нь о л е т т а. Ой, лучше не ворошите, не то сто лет будем обратно запихивать. Я сама уложила все как надобно: четыре рубашки, два десятка платков и десяток косынок.

М а р г а р и т а. Вот и ладно. Помни же, о чем столковались.

А нь о л е т т а. Помню, помню. Что еще накажете?

М а р г а р и т а. Не пожалей усердия и сил.

А нь о л е т т а. О чем речь! Прощайте.

М а р г а р и т а. Ступай и возвращайся поскорее.

А нь о л е т т а. Все исполню.

М а р г а р и т а. И еще. Беги сторонних глаз.

А нь о л е т т а. Ясно, ясно.

М а р г а р и т а. Знаешь, Аньолетта?

А нь о л е т т а. Ну что еще?

М а р г а р и т а. Сестричка милая, не подведи!

А нь о л е т т а. Не сомневайтесь. Фу-ты, ну-ты!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

А нь о л е т т а, одна.

А нь о л е т т а. Коль эти господа чего замыслят, доложу я вам, так тут уж вынь да положь. Бедняжка прямо голову потеряла. Как поговоришь с ней, глядишь, и сама распалишься. Видели б вы этот гостинец: глаз не оторвешь! На одну работу сколько дукатов пошло. Сдается мне, однако, что мессер Джаннино снова его не примет, хоть я и заверила Маргариту в обратном. И о чем он только думает? Ну да ничего: придет время, возьмется наконец за ум и тогда наверстает свое. Постучу-ка в дверь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Аньолетта и Корнаккья.

Аньолетта. Тук-тук-тук!

Корнаккья. Кого там черти несут?

Аньолетта. Отворяй.

Корнаккья. Ах, так это ты, козочка? Хозяина нет: поди, по его душу явилась?

Аньолетта. Где ж он?

Корнаккья. Так я ей и сказал. Мессер Джаннино ее на дух не переносит. Почему мне знать? Нет никого дома, вот и весь сказ.

Аньолетта. Никого, говоришь? Стало быть, ты один?

Корнаккья. Один-одинешенек. А что? Нужда какая?

Аньолетта. Открой — узнаешь.

Корнаккья. Чего надо-то?

Аньолетта. Кое-что.

Корнаккья. Ну, говори, не тяни.

Аньолетта. Через окошко не протянешь.

Корнаккья. Ха-ха-ха! Дошло! Никак, наша курица решила пофуриться?

Аньолетта. Ах ты кот! Ишь, губы раскатал! Не хочешь — не открывай.

Корнаккья. Ну так как: попал я в точку?

Аньолетта. Поверни ключик — узнаешь лучше.

Корнаккья. Нет уж, сперва выкладывай.

Аньолетта. Выложу, не обижу. Открывай.

Корнаккья. Никак невозможно.

Аньолетта. Это еще почему?

Корнаккья. Нельзя, и все тут.

Аньолетта. А что все-то?

Корнаккья. А то, что настроя нынче нет.

Аньолетта. Ну, это еще полбеды. Уж я тебя и настрою и пристрою. По этой части я мастерица.

Корнаккья. Поверчу-ка я ей как хочу. Не обесудь: нет охоты — не открою и ворота.

Аньолетта. Сделай милость, Корнаккья, открой, дружок ты мой желанный. Много он о себе понимает. Верно, у хозяина своего перенял хвост задирать. Ладно, как аукнется, так и откликнется. Только

уж на попятный не пойду: разбередил меня, шельмец. Тук-тук-тук!

К о р н а к к њ я. Эй, ступай себе с Богом! Того и гляди, народ сбежится. Сказано тебе: не открою.

А н ь о л е т т а. Боже правый, докатилась! Эй, Корнаккья! Бесценный ты мой, только мне и свету в окошке что ты!

К о р н а к к њ я. Нечего тут телячьи нежности разводить!

А н ь о л е т т а. Видать, сколько ни торчи, все понапрасну. Пойду, пожалуй.

К о р н а к к њ я. Пожалуй, задержу ее. Что-то и во мне желанье разыгралось. Ты куда, Аньолетта? Будто шуток не понимаешь? Неужто не ведаешь, что милее тебя нет у меня зазнобы?

А н ь о л е т т а. Теперь у меня охота пропала.

К о р н а к к њ я. Будет тебе, Аньолетта! Погоди, я мигом отопру.

А н ь о л е т т а. То-то же! Вот и мне сладостная минутка приспела.

К о р н а к к њ я. Заходи.

А н ь о л е т т а. Ах, золотенький мой, ненаглядный, отрада моя желанная!

К о р н а к к њ я. Погоди, дай хоть дверь затворить.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Л ю ч и я, служанка Гульельмо, одна.

Л ю ч и я. Нечего тут дивиться, что Лукреция осыпала его ласками. Бывало, целый день только и слышишь: «Лоренцино, где ты там? Лоренцино, послушай!» Иных забот, кроме Лоренцино, будто и нет. Однако правду говорят: «Не все коту масленица», расскажу я вам, судари, что у нас тут стряслось, дабы знали вы, на какие хитрости идут эти хозяйки, лишь бы прибрать к рукам то, что по праву причитается нам, служанкам. Ибо что-что, но слуги-то наши, а не этих загребущих! Только послушайте! Как отобедали мы давеча, сошла я в кладовку за головкой сыра, что припасла для Маркетто. Не успела войти — слышу, за дверью возня, и кто-то шушукается. Приложила ухо к двери — чую, голоса зна-

комые. Так это Лоренцино и Лукреция! Кровать под ними прямо ходуном ходит, не иначе решили ее совсем доломать. Я, признаться, и сама большая охотница до этаких усад, но, буде к тому удобный случай, не прочь и послушать. Притаилась я, значит, точно мышка, и наострила уши. И вот, как закончили они свои скачки, принялись нежничать да миловаться — до того сладко, что и мертвый зубами заскрипит. А под конец вроде бы условились порешить к ночи Гульельмо и самим дать ходу. Как услышала я про такие страсти, ну, думаю, сестрица, худо дело! И со всех ног к Гульельмо. Мигом все ему выложила. Хозяин аж побелел как смерть. Тотчас же запер на засов кладовку, дабы злодеи не улизнули, и, меча громы и молнии, кликнул соседских парней. Пока Гульельмо посылал за кандалами, те связали Лоренцино и Лукрецию и заперли их в погребе. Уж они и рыдали и винулись, как только можно; и разом сознались в своем лиходействе. По моему разумению, предаст их смерти Гульельмо или нынче ночью, или завтра поутру, потому велел мне немедля доставить к нему брата Керубино, да так, чтобы ни одна живая душа не видала. Стало быть, проведу его через черный ход. Вестимо дело, покончит с обоими: звон как разошелся. А про Лукрецию ни в жизнь не подумала бы! С виду такая тихоня, прямо само смирение. Как заведет «Отче наш», как раскроет Священное Писание да молитвослов — не остановишь. А поди заговори с ней о сердечных делах — так не приведи Господь! Чтоб я еще когда доверилась этим пустосвяткам! Воистину, в тихом омуте черти водятся. Чур меня, чур! А вон и Маркетто. Скачет вприпрыжку.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Маркетто и Лючия.

Маркетто. Тарара, тарара, тарантера, будь неладна мона Пьера!

Лючия. Эй, Маркетто, я гляжу, ты ног под собой не чувствуешь от радости? А в доме нынче не до веселья.

Маркетто. Привет, красавица, не дай состариться!

Лючия. Тебе все смешки, а в доме слезы в три ручья.

Маркетто. Какие такие слезы? Что за лихо?

Лючия. Весь дом гудит, воет да стенает.

Маркетто. Да ты, никак, надо мной потешаешься?

Лючия. Отсохни у меня язык!

Маркетто. Коли так, выкладывай, в чем дело!

Лючия. Кое-кому не поздоровится.

Маркетто. Говори толком, не томи.

Лючия. Этот бездельник Лоренцино...

Маркетто. Так я и знал: все открылось... Пронюхал, стало быть, Гульельмо, что Лоренцино сводил Лукрецию с мессером Джаннино?

Лючия. Так сводил, что сам с нею свелся.

Маркетто. Как так «свелся»? Сказывай, что там еще вышло?

Лючия. А то, что Гульельмо самолично видел, как Лоренцино и Лукреция вдвоем резвились-вертелись.

Маркетто. Быть того не может!.. Неужто брюхо к брюху?

Лючия. Обрюхатил он ее иль нет, не ведаю, но свернуть наверняка свернул.

Маркетто. Ах, иуда! Мессер Джаннино прямо как в воду глядел! Ясно теперь, к чему все эти господские ласки-милости. Эх, мадонна Лукреция! И то верно: праведницей тут и не пахло. Что же учинил Гульельмо?

Лючия. Старик рвет и мечет. Немедля приказал заковать их в кандалы и запереть в погребе.

Маркетто. Кто ж ему подсоблял?

Лючия. Джорджино и Поллонио из дома мессера Бенедетто.

Маркетто. Теперь-то этому проходимцу дадут пинка под зад так, что из него вся дурь вылетит!

Лючия. Как бы заодно и дух не вылетел.

Маркетто. Неужто Гульельмо с ним покончит?

Лючия. С обоими разом.

Маркетто. А ты как про то сведала?

Лючия. Недаром же он отправил меня за братом Керубино. Ясное дело, хочет, чтобы голубки исповедались перед смертью.

Маркетто. Вот те раз! Однако с Лукрецией мог бы и повременить.

Лючия. Тоже мне, заступник выискался. Вольно было этой вертлячке слуг окручивать, когда у нее и без того женихов пруд пруди. А ты где пропадал?

Маркетто. Послал меня хозяин после обеда снести письмецо маэстро Гвиччардо.

Лючия. А я тебе к обеду кой-чего вкусенького припасла. Как вернусь — получишь. Побегу за монахом.

Маркетто. Лады.

Лючия. До скорого, разлюбезный мой Маркетто. Давненько мы с тобой не уединялись.

Маркетто. Гляди, как бы эти пачкуны монахи с тобой не уединились.

Лючия. Не я буду, коль не выжму из этого дельца все соки.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Маркетто, один.

Маркетто. Так-то вот: кто смел, тот и съел. Однако за жизнь этого бедолаги я не дал бы теперь и ломаного гроша. А ведь подумать только: поживился-таки, паршивец, самым лакомым кусочком на всем белом свете. Эх, мне бы эдак! Главное, никому и в голову прийти не могло. Я вот нистолечко не сомневался, что к этакой недотроге ни за что не подступишься. Видно, на женский нрав не утрафишь. От бабьего ребра не жди добра. Теперь-то что: дело сделано. Как быть? Пойти рассказать все мессеру Джаннино или лучше помалкивать? Нет, пожалуй, расскажу как есть: все равно уж ничего не поправишь. Не то прознает о моей утайке и так осерчает, что мне несдобровать. Гляну, не дома ли он.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Маркетто, Корнаккья и Аньолетта.

Маркетто. Тук-тук-тук! Эй, там! Неужто никого? Ничего, сейчас я им уши прочищу. Тук-тук-тук!

Корнаккья. Принесла кого-то нелегкая! Кто там еще? Эдак и дверь выломать недолго!

Аньолетта. А ты не отвечай. Делай лучше свое дело.

Маркетто. Дома ли мессер Джаннино?

Корнаккья. Нет его.

Маркетто. А где он?

Корнаккья. Знать не знаю.

Аньолетта. Пускай себе надрывается. Наддай-ка жару! Ах, ах!

Маркетто. Кому же знать, как не тебе? Это Маркетто, у меня для него важные вести.

Корнаккья. Слушай, Маркетто, шел бы ты, право! Христом-Богом тебя прошу.

Маркетто. Да говорят тебе, важные вести.

Корнаккья. Ну сейчас, сейчас. Погоди малость.

Аньолетта. Приподними-ка ногу. Вот так, так!

Маркетто. Что за черт? Вроде с ним еще кто?

Корнаккья. Ох! Ну чего тебе, Маркетто? Чтоб ты провалился!

Маркетто. Сказывай, где мессер Джаннино.

Корнаккья. Ступай в лавку Гвидо, золотых дел мастера. Там его и сыщешь.

Маркетто. Верно говоришь?

Корнаккья. Еще бы. Точно знаю.

Маркетто. Лечу к нему.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Гульельмо, один.

Гульельмо. Это ли награда за все мои лишения? Это ли утешение моей старости? Для того ли прожил я свою долгую жизнь, чтобы на склоне лет сносить одни огорчения? Бедный, несчастный Педрантонио! Ах, Лукреция, Лукреция! Какой черной неблагодарностью отплатила ты за мою отеческую заботу о тебе! Видит Бог, не такой награды заслуживали мои благодеяния. Подобного я мог ожидать от кого угодно, но только не от той, которая всегда выказывала ко мне столько заботливости и внимания. Ах, злодейка! Какой жестокостью надо было исполниться, чтобы вначале обесчестить своего отца (ибо хоть ты мне и не дочь, но для всех ты считалась моей дочерью), а потом со спокойной совестью согласиться на его смертоубийство? Воистину, мир погряз в скверне. Мог ли кто-нибудь помыслить, что за

всей этой святостью, за всеми благочестивыми речами таится столь ядоносное жало? В наше время ни одна девица не доходила до подобного коварства. Тем хуже для меня, ежели не покараю ее примерно. Деваться им сейчас некуда. Я же пойду к аптекарю Григорию: пусть приготовит отвар, который возымеет действие через час-другой после того, как его испробуют. В его преданности я не сомневаюсь, так что дело будет шито-крыто и не дойдет до ушей комиссара. Последний же и засвидетельствует, что я не обагрив руки в крови. Не будет ей моего прощения. Лючия, поди, уж привела моего духовника, брата Керубино: не хочу, чтобы они умерли без покаяния. Полагаю, и он не станет придавать это дело огласке, ибо питает ко мне безмерное уважение и всячески готов мне услужить. Поспешу к аптекарю кратчайшим путем.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

С г в а ц ц а, прихлебатель, один.

С г в а ц ц а. Ха-ха-ха! Хоть полсвета обойди, а другого такого удальца, как я, не найти! Не жизнь, а сказка! Что там папа, император, вельможи! Что мне любовные утехы да богатство! То ли дело попить-поесть в свое удовольствие. Вот кабы не еда, так и впрямь беда. Расскажу я вам, милостивые государи, чем все дело прикончилось. Как я вам давеча сказывал, пошел я к своему другу-приятелю, прокурору. Об эту пору он в аккурат к трапезе изготовился. А на столе у него, братцы мои, зайчатинка — язык проглотишь. Увидал он меня и спрашивает, отобедал я аль нет. Я на стол глядь — никак нет, говорю. Ха-ха-ха! Да что тут долго толковать? Сел я, стало быть, за этот райский стол и, поскольку приятеля моего какая-то муть свела, взял да и уписал в одиночку зайчоночка — так во рту и растаял. Хотел было и с цыпленочком управиться, — был там еще и цыпленочек, — да как ни лестно, а уж не было места. И почто у людей животок с ноготок? Приставила

нам природа пару жердей длиннющих да пятерней загребущих, а много ли с них проку? Укоротить бы их чуток и прочие тела к утробе подогнать — был бы толк! Ну да уж что есть, и на том спасибо! А ведь немало еще охотников подкормиться на этом свете, да только не дюже сладко им приходится. А все потому, что, кто помоложе, не больно-то жалуют нашего брата за своим столом. Им бы все больше биться да колотиться, не жалея кулаков. Ну и пусть их. Что до меня, то я на свою долю не ропщу. Покуда живу — не тужу, глядишь, и дальше не помру! Не забыть бы проведать Лоренцино да свести его к мессеру Джаннино. Ба, да вот он сам. А с ним Верджилио и Маркетто. С чего это он так горячится? Однако послушаю, об чем речь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мессер Джаннино, Маркетто, Ствацца, Верджилио.

Мессер Джаннино. Гульельмо своими глазами, говоришь, видел?

Маркетто. Полагаю, своими. Мои при мне были.

Мессер Джаннино. Ах, иуда Лоренцино! Экое вероломство!

Маркетто. Корите скорей ее, чем его. Он-то что — справил свое мужское дело, и точка. Тут и я бы не оплошал.

Ствацца. Что за черт? Поди пойми.

Мессер Джаннино. Не видать мне родного отца и сестрицы, если не посчитаюсь с ним. Ах, Лукреция! Немилосердная! Как могла ты променять меня на этого проходимца? Верджилио, братец, утешь хоть ты меня, силы мои на исходе.

Верджилио. Выше голову, хозяин. Неужто еще осталась в вас хоть капля любви к этой подлой изменнице? Неужто еще страдаете по ней? Не пристало ли вам обратить в гнев свое прежнее к ней чувство?

Мессер Джаннино. Сказать по совести, Верджилио, коли уверился бы в измене, то гнев мой был бы столь велик, что уж никогда не пожелал бы ее видеть. Но сердце говорит мне: Лукреция не могла пасть так низко.

Маркетто. Что значит — не могла? Пала, и еще как! Ниже не бывает. Гульельмо связал обоих и замкнул в погреб.

Мессер Джаннино. Тем боле не верю.

Сгвацца. Никак в толк не возьму: о чем это они? Послушаем, что будет дальше.

Верджилио. Для чего же, по-вашему, Гульельмо устроил весь этот переполох?

Мессер Джаннино. По моему крайнему разумению, старикашка давно уже сам положил глаз на Лукрецию. Поди, и так ее улещал, и этак — все напрасно. Тогда, выйдя из себя, порешил выместить на ней свою злобу, подстроив эту ловушку.

Верджилио. Ничего себе великодушная месть! Вот уж никогда бы не поверил.

Мессер Джаннино. Старики, да будет тебе известно, скупы на щедрые дела, ибо великодушные чуждо преклонным летам.

Маркетто. А я говорю, что, как стемнеет, Гульельмо прикончит обоих.

Мессер Джаннино. Прикончит? Как бы не так! Выживший из ума старый хрыч! Теперь ясно, что дело обстоит именно так, как я полагал. Вперед, Верджилио! Живо домой, изготовь оружие: я покажу этой ракалии, как оговаривать невинное создание.

Сгвацца. Эдак я не докопаюсь до сути. Что там стряслось, мессер Джаннино? Вы прямо не в себе.

Верджилио. Одумайтесь, мессер Джаннино. Вы перевернете все вверх дном. Прежде надобно хорошенько разобраться.

Мессер Джаннино. А я говорю, что иначе и быть не может. Коли Лукреция и впрямь согрешила, он выгнал бы ее из дому, а не порывался бы лишить жизни, ибо, в конце концов, она ему не дочь. Лишить ее жизни? Пусть только попробует!

Сгвацца. Скажите, Бога ради, из-за чего такой шум? Может, и я на что сгожусь?

Мессер Джаннино. Эта старая развалина, прощельга Гульельмо, вознамерился убить Лукрецию и выйти сухим из воды. Для этого он измыслил такую зацепку, что впору и слепому догадаться о подвохе.

Сгвацца. Ах, негодник! Я с вами в этой праведной брани, ибо настоящие друзья и на обеде соседи, и в беде при тебе.

В е р д ж и л и о. Как думаете, хозяин, не известить ли о нашем замысле мессера Иоханнеса и мессера Луиса из «Сапьенции»? Мы, натурально, и своими силами управимся, но, как они есть вам друзья, вы не раз обещали, коль будет такая надобность, посвящать их в свои дела. Когда же прознают они о вашей нужде, то, полагаю, сильно осердятся, что не призвали их на подмогу, а значит, не особо полагаетесь на их дружбу.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Верно мыслишь. Поскорее их упреди. Одна нога здесь, другая там. В дом войдете все вместе с черного хода.

М а р к е т т о. Ну, берегись, хозяин!

В е р д ж и л и о. Какое оружие им прихватить?

М е с с е р Д ж а н н и н о. Пики и копья им не понадобятся: с ними их мигом приметят. Пускай возьмут поясные шпаги и круглые щиты; под плащами их никто не увидит.

В е р д ж и л и о. Мы на подходе к дому.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Ступай с Богом, Маркетто. Нас уже не остановить. Хочешь, сказывай обо всем этой скотине, твоему хозяину, хочешь, нет — дело твое.

М а р к е т т о. И словом не обмолвлюсь. Довольно с меня того, что буду служить у вас, коли порешите его.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Расчудесно. Теперь Маркетто знает все и наверняка проболтается Гульельмо. Старик же, не в силах совладать со страхом, освободит Лукрецию, не прибегая к оружию. Пошли в дом.

С г в а ц ц а. Пошли.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М а р к е т т о, один.

М а р к е т т о. Что делать будем, Маркетто? Тут надобно хорошенько пораскинуть мозгами. Коли поведаю Гульельмо, какие против него затеваются козни, как пить дать пожелает драться, положившись во всем на меня. Вот уж выйдет из нас двоих рать — ни дать, ни взять. Старикан, заячья душа, беспременно бросится наутек и оставит меня одного расхлебывать эту кашу. Так что прикончат тебя, Маркетто, за милу душу, а потом еще и скажут: «Поделом ему!» Другим вперед

наука будет. А коли наберу в рот воды, заявится мессер Джаннино со всей своей шайкой в дом, прихлопнет Гульельмо в два счета, выпустит на волю обоих голубков, и уж тогда не видать мне, как испустит дух этот прелюбодей Лоренцино. В общем, рядись не рядись, а лучше бухнуть Гульельмо всю правду — пускай немедля предаст смерти обоих пленников. Хоть я с этого и останусь на бобах — пропадай все пропадом. Что скажете? Похоже, вы со мной согласные. Вот и Гульельмо. Послушаю прежде, какие у него вести.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гульельмо и Маркетто.

Гульельмо. Сегодня же участь этих изменников послужит уроком для всех неверных слуг и ветреных девиц. На свою удачу, я застал в аптеке магистра Гвиччардо. Поведав ему о случившемся, я упросил магистра приготовить для меня нужное зелье. Не пройдет и полночи, как они отправятся к праотцам.

Маркетто. Храни вас Бог, синьор Гульельмо. Душевно сочувствую вам, ибо сведал обо всем от Лючии.

Гульельмо. Где только тебя носит весь день, не доищешься!

Маркетто. Для вас же и старался.

Гульельмо. Это как?

Маркетто. Сейчас узнаете. Пока Лючия сказывала мне про ваши напасти, принесла тут нелегкая мессера Джаннино, вот он все и услышал. Только Лючия ушла, он ко мне — и давай выпытывать. Делать нечего, пришлось выложить ему все как на духу.

Гульельмо. Боже праведный! Не было печали. Стало быть, все открылось? И ему ведомо, что я собрался предать пленников смерти?

Маркетто. Точно так. И ну храбриться, да пьжиться, да угрожать, что освободит пленников, прибьет вас и разворотит весь дом.

Гульельмо. Ого! Что я слышу? Убить меня вздумал? Ах он злодей! И откуда столько спеси у этого мошенника? У самого еще молоко на губах не обсохло, а ишь как похваляется! Что же ты ему отвечивал?

Маркетто. Хотел было сказануть ему в пику, но

вовремя спохватился: что толку-то? Дай, думаю, выведаю сперва его намерения во всех тонкостях. Так оно и вышло.

Г у л ь е л ь м о. Что ж он замыслил?

М а р к е т т о. Явиться к вам, вооружившись до зубов и прихватив с собой слугу, двух школяров и Стваццу. Правда, последний нам не страшен: сунем ему в пасть кусок пожирней, он и утихомирится.

Г у л ь е л ь м о. Свят, свят, свят! Что делать станем, Маркетто?

М а р к е т т о. Перво-наперво, покончим с пленниками. Только прикажите, я готов разделаться с ними хоть сейчас.

Г у л ь е л ь м о. Добро. Однако обдумаем наперед, как будем биться.

М а р к е т т о. Тут я вам не советчик. Об одном скажу: едва мессер Джаннино прознает, что Лукреция мертва и делу ничем не пособить, уже не станет он своего добиваться: что от покойницы проку? Ни сшить, ни распороть.

Г у л ь е л ь м о. И то верно. А ну как он все равно не угомонится?

М а р к е т т о. Право дело, не знаю, что и присоветовать. Я в такие передряги еще не попадал. Замкнитесь разве в своей комнате. Что он вам учинит?

Г у л ь е л ь м о. Скорее сто раз умру, чем унижусь до этакой трусости. Что мне терять в этой жизни?

М а р к е т т о. Черт побери, а вот и подмога приспела! Сюда идет Латтанцио Корбини, ваш куманек. Он в вас души не чает; что ни день справляется: не надо ли чего? Памятует, что спасли ему шкуру при прошлом-то комиссаре. Самое время употребить его в дело. Да и братьев у него — не счесть: один здоровее другого.

Г у л ь е л ь м о. Дело говоришь. Потолкуем с ним вместе.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Латтанцио, Гульельмо и Маркетто.

Л а т т а н ц и о. Ну, доложу я вам, за этими бабенками не угонишься. Взять хотя бы сегодня: гляжу, выпорхнула из дома какая-то прелестница да как припустит. Видать, отобедав, решила сладеньким побало-

ваться в чьем-нибудь садочке. Только знать бы: в чьем? Я, вестимо, за ней. Как дошли до дороги, что ведет к Святому Мартину, так она словно сквозь землю провалилась. «Что за чертовщина? — думаю. — Может, через ворота Святого Петра проскользнула?» Шмыг туда: иду, иду — ее и след простыл. Спросил одного, спросил другого — никакого толку. Так и остался я с носом, а в садочке уж без меня порезвятся.

Гульельмо. Доброго здравия, кум.

Латтанцио. Кого я вижу! Кум! Не обессудьте, что сразу вас не приметил. Какие новости?

Гульельмо. Сплошные огорчения.

Латтанцио. Что такое? Чем смогу — помогу. Мы слов на ветер не бросаем. Понадобится — живота своего не пожалею, а горю вашему пособлю, ведь без вас мне сейчас и живу не быть.

Маркетто. Еще как понадобится, мессер Латтанцио.

Латтанцио. Так знайте, любезный куманек, что ни у меня, ни у моих братьев нет другого отца, кроме вас. Почтем за благо доказать это на деле. Однако скажите на милость, что за напасть с вами приключилась?

Гульельмо. Не стану расписывать вам всю подноготную. Итог таков: мессер Джаннино со множеством своих дружков собрался расправиться со мной в моем же доме, без видимых на то причин.

Латтанцио. Слыханное ли дело! Что за болячка его гложет?

Гульельмо. Таиться не стану. Нынче в моем доме открылся страшный стговор: нечестивая Лукреция вкупе с Лоренцино срядились порешить меня к ночи, а самим бежать. Заточил я их в погребе, велел скрутить по рукам и ногам и, сказать по чести, твердо намерен предать смерти, ибо они есть отъявленные злодеи. Но судьбе было угодно, чтобы об этом прознал мессер Джаннино. Теперь он хочет заполучить девицу силою и разнести весь дом.

Латтанцио. Вот так так! Вовек бы не подумал про Лукрецию такое. А эти наглецы? Экая дерзость! Разошлись, точно разбойники с большой дороги. Вот что, кум, в обиду мы вас не дадим. Самому вам, в ваши-то лета, на многое рассчитывать не приходится, а у меня, ежели помните, три брата, кои преданы вам

сыновней преданностью. С ними я и приду в ваш дом. А уж остальное — наша забота.

Гульельмо. Кабы не крайняя нужда, не стал бы впутывать вас в столь опасное предприятие. Навязался же я на вашу шею.

Латтанцио. Обидно даже слышать такое: ведали бы, с какой готовностью мы на это пойдем, не говорили бы так.

Маркетто. Мессер Латтанцио верно толкует. Чего греха таить, не те уж ваши годы, хозяин. У меня в этой свистопляске и без того дел хватит, так что на Маркетто надежда невелика. Не то разорят весь дом дотла, и ахнуть не успеешь.

Гульельмо. Не знаю, право, как и быть.

Латтанцио. Сделайте милость, кум, не откажите в чести занять ваше место. За мной дело не станет.

Гульельмо. Что ж, по рукам. Медлить нельзя — того и гляди, зайвится вся эта свора.

Латтанцио. Вы и глазом моргнуть не успеете, как мы с братьями будем здесь: только оружие прихватим. А войдем с черного хода. Будьте покойны.

Гульельмо. Тогда за дело.

Латтанцио. Не ведаете ли, часом, какое будет при них оружие?

Маркетто. Точно знаю: обычные шпаги да щиты, кои прикроют плащами.

Латтанцио. С меня довольно и этого. Снарядимся и мы на их манер. Я мигом.

Гульельмо. Вверяю себя в ваши руки.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Маркетто и Гульельмо.

Маркетто. Ну и повезло же вам с этим мессером Латтанцио!

Гульельмо. Живи для друзей, проживут и друзья для тебя.

Маркетто. Пойдемте домой, хозяин, и прикончим, что задумали: избавимся от наших любовничков, да поскорее. Сказано — сделано.

Гульельмо. Твоя правда. Пошли.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мессер Лигдонио и Панцана.

Мессер Лигдонио. Эй, Панцана, не мельтеши, и так все ноги отдавил!

Панцана. Да как же мне идти?

Мессер Лигдонио. Юрко, да прытко, да чтоб держался от меня в двух шагах.

Панцана. Нешто мне с мерилом за вами семенишь?

Мессер Лигдонио. Хочешь — с мерилом, хочешь — без, а почтение прояви.

Панцана. Эдак, что ли?

Мессер Лигдонио. Покуда особой нужды нет, а как появится кто — помни свое место.

Панцана. Будь по-вашему. Этот осел кого угодно с ума сведет.

Мессер Лигдонио. Знаешь ли, Панцана, о чем я помыслил?

Панцана. Знать не знаю, а смекать смекаю.

Мессер Лигдонио. И что ж ты смекнул?

Панцана. А то, что не прочь были бы потискать нынче ночью Маргариту.

Мессер Лигдонио. Ха! Как бы не так. Положил я выкинуть ее из головы да приударить за одной особой, которая давеча выказала немалую ко мне благосклонность. Хотел бы немедленно ее повидать.

Панцана. То-то я диву давался, что вся эта канитель с Маргаритой так затянулась. Вот и доверяйтесь, дамы, таким фанфаронам! И что же это за благосклонность такая, ежели не секрет?

Мессер Лигдонио. Стоял я подле нее во время службы и зевнул. Зевнула и она. А когда двое зевают, должно тебе знать, то сердцем друг к другу прикипают.

Панцана. Ничего себе благосклонность! Надо же такое измыслить!

Мессер Лигдонио. О чем ты там?

Панцана. Лучше и не придумаешь, говорю. И как она, эта дама, хороша ль собой?

Мессер Лигдонио. Прелестна, как денница.

Панцана. Как дьяволица?

Мессер Лигдонио. Изыди на два шага, как было велено. Сюда идут.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Роберто, придворный князя Салернского, мессер Лигдонио
и Панцана.

Роберто. Сей край весьма беден прекрасными дамами. Туда пойдешь — пусто, сюда заглянешь — не густо. Видно, придется мессеру Консальво потерпеть: даже если он меня свяжет, я не пробуду здесь и дня. Кто бы, однако, присоветовал мне, как поскорее добраться до постоянного двора «Кавалло»?

Мессер Лигдонио. По виду вроде чужеземец.

Роберто. Вот кто, пожалуй, мне поможет. Храни вас Господь, достопочтенные синьоры. Не укажете ли путь к постоянному двору «Кавалло»?

Мессер Лигдонио. С превеликим удовольствием. Сперва все прямо, потом возьмете вправо, а далее влево; вначале сюда, затем туда — и снова прямо; ну а в конце вас кто-нибудь направит до самого места.

Роберто. Вы, милостивый государь, пизанец?

Мессер Лигдонио. К вашим услугам.

Роберто. Ваш город довольно скуден на предмет нежного пола.

Мессер Лигдонио. Виноват, вы плохо знакомы с сим городом. Женское сословие здесь очень даже процветает.

Роберто. Рад был бы вам поверить, только куда подевались все эти цветки? Я вышел было сыскать хотя б один на эту ночь, но до сего часа не приметил ни единого ростка.

Панцана. Тоже мне выискался! И дня в городе не провел, а уж подавай ему дамочку попригожей. Накось, выкуси!

Мессер Лигдонио. Не так-то это просто, всего за один день. Коли задержитесь у нас еще на денек-другой, — отбоя не будет.

Панцана. И этот туда же!

Роберто. Что же прикажете мне нынче вечером делать? Я не привык к таким выкрутасам и не желаю проводить в одиночестве вторую ночь кряду.

Панцана. Клянусь всеми святыми, этот тип под стать моему хозяину: тоже охотничек по женской час-

ти. Два сапога пара! Послушайте, что будет дальше: не пожалеете.

Мессер Лигдонио. Как видно, этой ночью придется вам поднабраться терпения.

Роберто. Немало городов повидал я на своем веку, однако такого со мной еще не случилось. Бывало, не успеешь с коня сойти, а уже заметишь какую-нибудь красотку; снарядишь к ней посольство, одаришь гостинцами — вот ты у нее и в фаворе, а там, глядишь, и заветный дар твой.

Панцана. Ах, бедные женщины!

Мессер Лигдонио. Охотно вам верю. Нечто подобное происходило и со мной. Не угодно ли сказать, из каких краев будет ваша милость?

Роберто. Я родом из Перуджи. Ныне состою на службе у князя Салернского и вот уж два года пребываю то в Салерно, то в Неаполе.

Панцана. Клянусь святым причастием, так я и думал. Быстро же обучили его эти неаполитанские синьоры. Нравы их он перенял еще резвее, чем язык.

Мессер Лигдонио. Ах, несравненный Неаполь! Как часто я о нем вспоминаю.

Роберто. Славный, чудный град! Амур непрестанно поражает там остриями своих стрел.

Мессер Лигдонио. Сущяя правда. Готов подтвердить это, как никто другой.

Роберто. Что говорить о Неаполе — словно жемчужина блистает он среди прочих городов мира. Повидал я превеликое множество разных других мест и везде находил раздолье по дамской части. Везде, кроме Пизы.

Мессер Лигдонио. Погодите, присмотритесь и увидите, что наши дамы ничуть не хуже, чем в иных краях, и обещают достойным немалые улады. Уж я-то в этом толк знаю.

Панцана. Уж он-то знает. Послушайте, послушайте.

Мессер Лигдонио. Такой знатный кавалер, как вы, всенепременно найдет, чем поживиться.

Роберто. Не подумайте, будто хвастаю, но скольких я знавал — не перечить. А распиши я вам свои похождения, вы бы только руками развели.

Мессер Лигдонио. Вот славно, что судьба свела нас вместе! Ибо и я весьма недурно наострился в

этом искусстве и также смог бы поведать вам о своих любовных перипетиях, коим несть числа. Еще лелею надежду, что каждый день сулит мне новые отрады: покуда не пробилась седина, любовь питает меня соками жизни.

П а н ц а н а. Вернее, покуда не пропало всякое желание выдергивать да подмалевывать седые волоски, что давным-давно уже пробились.

Р о б е р т о. Коли вы не прочь, готов потешить вас одной историей.

М е с с е р Л и г д о н и о. Сделайте милость. В долгу перед вами не останусь и позже расскажу презабавный случай.

П а н ц а н а. Ни за какую мзду не согласился бы на такое удовольствие.

Р о б е р т о. Прощлым годом случилось мне завернуть в Геную по неотложным делам князя, как раз в то время, когда его святейшество папа Павел отправился в Чивитавеккья благословить на ратный подвиг императорское войско. Так вот, приударил я тогда за некоей благородной особой и, покуда увивался за ней, всячески старался ей угодить. Уж я и поклоны ей до самой земли отвешивал, и какие только пируэты не выделывал, — словом, вился вокруг нее вьюном. Она в церковь — и я следом, она из церкви — и я за ней; то нагоню, то отстану, так неотступно и следую, вздыхая и теребя шляпу в руке. Что ни гуляние, маскарад или кавалькада — я тут как тут, подле нее. Не было случая, чтобы, выглянув в окно или выйдя за порог, она не приметилла бы своего воздыхателя. Не счесть даров, кои отправил ей, ибо в любви моя щедрость не знает границ. Никогда не кичился я победами и доверял свои сокровенные мысли лишь тем, кто никак не мог донести их до нее. Так, против обыкновения, продолжалось более месяца, ибо я привык срывать сладостный плод спустя неделю, много — две. Меж тем за все это время она не выказала ни единого знака благорасположения ко мне. Оскорбленный такой ее нелюбезностью, я воспылил гневом и порешил отплатить ей той же монетою. Как завидела она, чем дело обернулось, сей же час отрядила ко мне служанку, прося моего прощения и всячески заверяя в своей совершенной преданности. Но я до того на нее озлобился, что твердо положил стоять на своем: дескать, пусть хоть озолотит меня, а видеть ее все одно

не желаю. Управившись с княжескими делами, вернулся я в Салерно. Вашу руку, сударь. Хотите узнать, чем кончилась вся эта история? Бедняжка так в меня врезалась, что, переодевшись в мужское платье, добралась аж до самого Салерно, проскакав сотни миль. Увидев ее, я уже не мог не сжалиться над ней.

П а н ц а н а. О-хо-хо-хо! Кто-нибудь — держите меня!

М е с с е р Л и г д о н и о. История ваша упоительна.

Р о б е р т о. Полагаю, я исполнил перед ней свой долг, не правда ли? Она так изнемогала от любви, что больно было смотреть на ее страдания! Как истинный дворянин, я обязан был ее принять.

М е с с е р Л и г д о н и о. Расскажу вам свой случай, ежели соблаговолите выслушать.

Р о б е р т о. Буду рад.

М е с с е р Л и г д о н и о. Как вам должно быть ведомо, женская натура такова, что стоит какой-нибудь женщине увериться, будто мужчину не шибко жалуют другие дамы, так и к ней он попадет в полную немилость. И напротив, коль сведают, что мужчина нарасхват, так и норовят его первыми заполучить, ибо завистливы все как на подбор: что одной любо, то и другой подавай.

Р о б е р т о. Что верно, то верно.

М е с с е р Л и г д о н и о. Не так давно нечто подобное вышло и со мной. Некая дама, живущая неподалеку от меня, прознала, что ко мне благоволит немало женщин, и тоже загорелась желанием со мной сойтись. Для затравки она умолила меня через своего человека прислать ей какое-нибудь мое сочиненьице: надо вам заметить, что забавы ради я сочиняю, и весьма недурно. Я согласился и отправил ей свеженькую новеллу, обилующую любовными похождениями. Прочтя ее, моя дама воспылала ко мне такой неумной страстью, что немедля прислала человека с просьбой прийти к ней, ради всего святого. Не успел я войти, как, забыв о всякой сдержанности, бедняжка кинулась мне на шею с пылкими признаниями в любви.

П а н ц а н а. Тяжкий случай!

М е с с е р Л и г д о н и о. Хотите — верьте, хотите — нет, но я готов поклясться: за тот час, что я провел у нее, уж она так меня тискала и лизала, лобыза-

ла и кусала, что после отлеживался я добрых два месяца.

П а н ц а н а. Ха-ха-ха!

Р о б е р т о. Чего только не бывает.

М е с с е р Л и г д о н и о. Так оно и было. Причиной же всему — мое сочинительство. Высокий слог в любви всемогущ, а женщины в мужчинах ценят первым делом меньше цветисто выговаривать, на что особого ума и не надобно. Клянусь, когда много лет назад я покидал Неаполь, не меньше двух сотен благородных дам заливались горячими слезами.

П а н ц а н а. Ха-ха-ха! Ну и враль: брешет почем зря.

Р о б е р т о. Завтра, коль не уеду, поделюсь с вами одним случаем, приключившимся со мною в Сиене, хоть он никак и не разрешился, ибо сиенские женщины горазды только словами охмурять, от коих потом ни горячо, ни холодно.

М е с с е р Л и г д о н и о. Наслышан я, что в Сиене премного знатных красавиц.

Р о б е р т о. Видимо-невидимо. И все, как одна, страсть какие ученые, записные говоруньи. В разговоре с ними ухо держи остро, не то останешься в дураках. На ласки они щедры, что верно, то верно, но кто думает, будто заманил птичку в клетку, сам же в нее попадет.

П а н ц а н а. Бьюсь об заклад, что догадываюсь, о ком это он.

Р о б е р т о. Однажды мне довелось пробыть там без малого четыре месяца. Я чудно разместился, имел честь знаться с учеными мужами, был вхож в почтенные академии, среди коих и Академия Оглушенных, столь славная высокими умами. А главное, свел знакомство с несравненными дамами. И не страдай они означенным изъяном, высшего блаженства невозможно и представить!

М е с с е р Л и г д о н и о. Внимут ли они вашим словам? Кабы знал я, что меня услышат в Сиене, то счел бы своим долгом сказать, как велико их заблуждение: коль дана красота — остальное суета. Только не стоит понапрасну глотку драть.

Р о б е р т о. Позвольте откланяться. Пройдусь немного, авось до вечера и подвернется удобный случай.

М е с с е р Л и г д о н и о. Как вас величать?

Р о б е р т о. Роберто.

Мессер Лигдонио. Синьор Роберто, примите
всяческие заверения в моей полнейшей преданности.
Роберто. Рад буду услужить вашей милости.
Мессер Лигдонио. Ваш слуга покорный.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мессер Лигдонио и Панцана.

Мессер Лигдонио. Сколько раз тебе твердить,
Панцана: не скалься, когда твой господин заводит с кем-
либо беседу.

Панцана. Я и не скалился.

Мессер Лигдонио. А я говорю, скалился.

Панцана. Да не скалился, и все тут. Кого угодно
спросите. Скалился я? Скалился? Скалился? Ежели
хоть одна живая душа подтвердит ваши слова, вот тогда
вершите надо мной свой суд.

Мессер Лигдонио. Кто тебя разберет. Может,
и почудилось.

Панцана. Не сомневайтесь: мы кое-каким мане-
рам тоже обучены.

Мессер Лигдонио. Любезный господин этот
мессер Роберто. Он меня очаровал.

Панцана. А мне и не слышать было, о чем вы там
собеседовали.

Мессер Лигдонио. Куда ж ты смотрел?

Панцана. Следил, чтоб между нами оставалось
два шага.

Мессер Лигдонио. Ха-ха-ха! Откуда вдруг
столько усердия? Однако пора бы нам проведать ту
даму, о которой давеча тебе сказывал.

Панцана. Да уж, самое время.

Мессер Лигдонио. Вперед, не мешкая.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мессер Джаннино, Верджилио, испанец (говорит по-
испански), немец и Сгвацца.

Мессер Джаннино. Промеж друзей, кои друг
другу ровно братья, мессер Луис и мессер Иоханн,
не нужно лишних слов. Настанет час, и вы увидите, что
каждому я воздам сторицею.

Испанец. Не стоит об этом. Отправимся-ка лучше проучить этого полоумного мошенника!

Мессер Джаннино. Вам ведомо, сколь много значит для меня жизнь Лукреции, от коей целиком зависит и моя собственная жизнь.

Немец. Неправый быть, мессер Ианнин. Их бин друг.

Мессер Джаннино. Не будем терять ни минуты. Пошевеливайся, Сгвацца! Что ты там застрял?

Сгвацца. Никак не подберу подходящее оружие, тут остались одни пики. А пики мне не по душе; мне бы что-нибудь такое, что поражало бы на расстоянии.

Верджиллио. От него нам больше вреда, чем проку, хозяин.

Сгвацца. Нашел, черт побери! Вот это что надо! Надежный арбалет! Вещь по мне! Думаете, не управлюсь? Примощусь поодаль и навоюю столько, что вам и не снилось. Может, кликнуть заодно и Корнаккью, авось хуже не будет?

Верджиллио. Нас и без того хоть отбавляй.

Сгвацца. А может, разом подстрелить Гульельмо? Или так, подранить для остратки? А, мессер Джаннино?

Испанец. Пошли, пошли.

Сгвацца. Будь неладна мона Пьера! Кажись, у них открыта дверь. Неужто не робеют? Хотите доброго совета?

Мессер Джаннино. Ну что еще?

Сгвацца. Отложим это дело до завтра. Утро вечера мудренее.

Испанец. Куда нам деть этого дуралея, мессер Джаннино? Не отправить ли его назад, на постоянный двор?

Немец. Он тошно спятить.

Сгвацца. Чтоб я сдох: там за дверью что-то блеснуло. Схоронюсь-ка подобру-поздорову. Мне еще жизнь дорога.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Латтанцио, мессер Джаннино, Верджиллио, испанец (говорит по-испански), немец.

Латтанцио. Показался неприятель. Будьте наготове и высказывайте по моей команде. Я же перемолвлюсь парой слов с мессером Джаннино; быть может, удастся отвратить его от этой губительной затеи.

В е р д ж и л и о. Вперед, хозяин. Ворвемся в дом.

Л а т т а н ц и о. Какая муха вас укусила, мессер Джаннино, что так самонадеянно вы вознамерились лишить жизни беззащитного старика в его же собственном доме?

М е с с е р Д ж а н н и н о. Вам-то что за дело? Этот выживший из ума никчемный старикашка хочет расправиться с нежнейшим созданием на всем белом свете!

Л а т т а н ц и о. А вы-то здесь при чем? Кто позволил вам вмешиваться в чужие дела?

М е с с е р Д ж а н н и н о. Неправедному деянию всяк должен противиться.

Л а т т а н ц и о. Стало быть, вы явились вершить правосудие? По-вашему, коль стар он и немощен, так и защитить его некому?

М е с с е р Д ж а н н и н о. Защитники нам не острастка. Тот, кто осмелится выступить против нас, пожалеет, что не обратился в бегство. Мы жизни наши положим, а девушку вызволим.

И с п а н е ц. Мессер Джаннино, не стоит понапрасну тратить время на разговоры с этим презренным трусом. Направимся к дому.

Н е м е ц. Я будет изрубить старик на кусок! Абракадабра!

Л а т т а н ц и о. Знайте же, что вас самих изрежут на мелкие кусочки, коли не уберетесь восвояси.

И с п а н е ц. Черт бы побрал этого бездельника!

Н е м е ц. Я лишно сделать ломоть из он.

Л а т т а н ц и о. Видать, полюбовно нам не столкаться. Эй, братья, выходи. Поглядим, кто кого!

Следует вооруженная стычка.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Испанский капитан (говорит по-испански), мессер Джаннино, Верджилио, испанец (говорит по-испански), немец, Латтанцио и его братья.

К а п и т а н. Сколь любезен этот мессер Консальво! Помилуй Бог, что здесь за распря? Довольно, довольно! Чего вы не поделили, синьоры? Эдак недолго и всю

округу переполошить! Комиссар строго накажет вас за подобное своеволие. Что за размолвка вышла у вас с этими школярами, синьоры?

Л а т т а н ц и о. Выложу все без утайки, синьор капитан. Эти удалцы явились сюда прикончить несчастного старика Гульельмо. Мы же с братьями порешили из уважения и любви к Гульельмо вступить за него и проучить лиходеев.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Дело обстоит совсем иначе, синьор капитан. Старый плут Гульельмо, видя, что девушка, живущая у него в доме, не поддается на его грязные уговоры, возвел на нее невесть какую напраслину и замыслил лишить жизни. Из сострадания к бедной сироте мы и пришли освободить ее.

Т р е т и й б р а т. Враки!

И с п а н е ц. Чтоб вам пусто было! Все это гнусная ложь. Кабы не присутствие сеньора капитана, я затолкал бы эти слова вам в глотки острием моей шпаги!

П е р в ы й б р а т. Ври, да не завирайся! Синьор капитан, ежели ваша милость дозволит, я в одиночку сражусь со всеми четверья мошенниками.

Н е м е ц. Их сей бахвал не спускать!

В т о р о й б р а т. Ужо отойдем в сторонку, тогда я погляжу, как ты запоешь.

И с п а н е ц. Клянусь небом, свяжите меня по рукам и ногам, я все одно скрещу клинки с этими похвalebщиками.

Н е м е ц. Пустобрех. Их бин не их, коль не порешить всех, как один.

К а п и т а н. Вижу, отваги вам не занимать. Жаль будет, если кто-то из вас падет в этой схватке.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Чему быть, того не миновать, синьор капитан! Позвольте нам проучить этих спесивых наглецов.

Л а т т а н ц и о. Не будь здесь синьора капитана, вы бы давно прикусили языки!

В е р д ж и л и о. Дьявол! Я вне себя от ярости.

К а п и т а н. Черт возьми, да вы все не робкого десятка: в этой стычке покуда никто еще не взял верх.

Н е м е ц. Знать, почто никто не пересилить?

К а п и т а н. Почему же?

Немец. Их не сражаться этаким оружие, не зналь, как подобать орудовать сей щит.

Второй брат. Ежели кому и сетовать на оружие, так только нам.

Капитан. Это еще почему?

Второй брат. Да потому, что в Испании, кто побоязливее, прикрывается для пущей верности щитом или тарчем.

Капитан. Как видно, и в Италии этот обычай в ходу. Впрочем, оставим эти пересуды. В благородных руках любое оружие неотразимо. Однако будьте благо-разумны, подумайте о своих жизнях, отложите оружие и примиритесь по-братски.

Мессер Джаннино. Не раньше, чем они сойдут с нашего пути и мы освободим девушку.

Латтанцио. Этот спесивец молвит так, словно уже одолел нас.

Испанец. Погодите, скоро вы сами взмолитесь: «Ради Бога, забирайте свою девушку!»

Второй брат. Ух, синьор капитан. Дозвольте помериться силой, мы и так уже из кожи вон лезем.

Немец. Коли желать прикончить с этот дело бистро, взять гросс меч. Этот нихт резать на кусок.

Третий брат. Готовы драться любым оружием.

Немец. Нам будет одолжить большой мечи, капитан?

Капитан. Мой долг скорее в том, чтобы внести меж вами согласие, а не вкладывать в ваши руки орудия смерти.

Мессер Джаннино. Нам не замириться, покуда не получим девицу.

Латтанцио. Этому не бывать. О примирении не может быть и речи.

Капитан. Когда в вас пылают такие страсти, что ж, решайте свою тяжбу в схватке.

Немец. Изволить меч, капитан.

Капитан. Все ли согласны сразиться двуручными мечами?

Первый брат. Так точно.

Верджиллио. Так точно, сударь.

Испанец. Точно так, синьор.

Капитан. Тогда извольте следовать в мой арсе-

нал. Там вы сложите свое оружие и возьмете новое. Ну а потом скрестите мечи и разрешите вашу распрю.

Мессер Джаннино. Вперед.

Латтанцио. Пошли.

Испанец. В путь.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Аньолетта, одна.

Аньолетта. Отряхну-ка юбку, а то вся перепачкалась. Вот что я вам скажу, разлюбезные мои дамы: не витал в облаках тот, кто первым сказал: «Сила не в числе, а в уменье»; один мужчина стоит сотни, а сотня не стоит и одного. Скольких я на своем веку перевидела — что песку морского. Только таких, чтобы дух захватывало, — раз-два и обчелся. Обыкновенно не мужик, а прямо баба в штанах: самого еле ноги держат, — того и гляди, переломится от натуги. Бывало, пока расшевелишь такого, сама последней силушкой изойдешь. Да и то сказать — проку с гулькин нос! То ли дело Корнаккья! Разрази меня гром, ежели за три часика, что скоротали мы вдвоем, трижды (*поднимает вверх три пальца*) всласть друг дружкой не упились. Таких, как Корнаккья, днем с огнем не сыщешь. Смотрите на меня, сударыни, внакладе не останетесь. Махните вы рукой на своих слабосильных супружничков, кои разве что кряхтеть горазды, а толку от них — как от козла молока. Эх, да что там! Забегу домой, а через часок-другой обратно — узнать, не воротился ли мессер Джаннино.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Капитан (говорит по-испански), паж, Латтанцио, мессер Джаннино, Верджилио, испанец (говорит по-испански), немец, трое братьев.

Капитан. Паж, принеси мечи и разложи их здесь. Прошу, синьоры, пришло время покончить ваш спор. Я сам намерен раздать оружие каждому из вас.

Паж. Готово, синьор.

Капитан. Дай-ка взглянуть. Все на месте; мечи одинаковые. Теперь пусть каждый возьмет по мечу, и помните: покуда все не получат оружие, никто не должен вступать в поединок.

Мессер Джаннино. Мы не пойдем на подобную подлость, сударь.

Латтанцио. Не думайте, синьор капитан, нам не надобно такого превосходства.

Капитан. Тогда подходите по одному.

Берут мечи.

А теперь, синьоры, пусть каждый из вас задумается о своих намерениях и помнит о том, что таким оружием иль насмерть биться, иль до увечья. Будет весьма прискорбно, ежели кто-нибудь из столь благородных синьоров сложит голову в этой схватке. Посему призываю вас к примирению. Каждая сторона от этого лишь выиграет, да и мне немалый почет будет, ибо в этом и состоит долг моей службы.

Мессер Джаннино. Будь я трижды проклят, если не покажу этим гордецам, сколь глубоко они заблуждаются, защищая мерзкого старика и злодея, если не воспрепятствую смертоубийству первойшей красавицы на этом свете.

Испанец. Сейчас не время для порожних разговоров.

Латтанцио. Напрасный труд, синьор капитан, толковать о согласии, покуда мы не проучили злоумышленников оружием.

Первый брат. Нашим пустословием мы лишь продлеваем жизнь этим негодяям.

Испанец. Чтоб я сдох! Если бы победа доставалась на словах, никто не чувствовал бы себя в безопасности. Отведав нашего клинка, вы враз поутихнете.

Второй брат. Хоть со скуки помирай.

Верджиллио. Меня так и разбирает злость.

Третий брат. Я просто задыхаюсь от гнева.

Немец. Порешать! Порешать! Доволен слова.

Мессер Джаннино. С Богом! Изготовимся.

Капитан. Коль скоро согласию меж вами не бывать, будь по-вашему. Итак, сходитесь.

Следует вооруженная стычка.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мессер Консальво, капитан (говорят между собой по-испански), мессер Джаннино, Гульельмо, Латтанцио, Верджилио, немец, испанец (говорит по-испански), трое братьев.

Мессер Консальво. Не худо было бы проведать кого-нибудь из старых друзей. Что это тут за потасовка? Стойте, стойте! Опомнитесь!

Капитан. Остановитесь, синьоры! Остановитесь из уважения к его милости благороднейшему мессеру Консальво!

Мессер Консальво. Синьор Франсиско, отчего не прекратите вы эту стычку?

Капитан. Я всячески старался умягчить враждующих, как и полагается мне по долгу службы, однако, видя, что мои уговоры ни к чему не ведут, раздал каждому оружие, дабы положить конец их распре.

Мессер Консальво. Что за вражда меж ними?

Капитан. Раздор ужасный, клянусь всеми святыми.

Мессер Консальво. Умоляю, сказывайте все без околичностей.

Капитан. Будет лучше послушать их самих. Синьоры, поведайте мессеру Консальво о вашей занозе: итальянское наречье он понимает превосходно.

Латтанцио. Готов рассказать вам обо всем, синьор Консальво. Вот этот господин явился вместе со своими приятелями порешить несчастного старика в его же собственном доме. Мы сочли своим долгом вступить за беднягу.

Мессер Консальво. Ах, сударь! Поднять руку на старика! Этаким поступок не делает вам чести. Как же вы, ваша милость синьор Франсиско, это позволяете?

Мессер Джаннино. Пусть ваша милость услышит и другую сторону. Сказанный старик возжелал приневолить к постыдному сожительству благороднейшую девицу, которая живет в его доме. Не добившись ее согласия, он оговорил невинное создание и замыслил лишить девушку самой жизни. Этакого беззакония нам попустить никак невозможно.

Первый брат. Брехня.

Испанец. Презренный трус! А ну, продолжим нашу потеху.

Мессер Консальво. Ради всего святого, синьор Франсиско, утихомирьте их, как велит ваш долг.

Капитан. Видит Бог, мессер, это не в моих силах. Быть может, вам удастся уладить этот спор лучше моего.

Мессер Консальво. Где же тот старик, о коем вы толкуете, сударь?

Латтанцио. Он здесь, в доме.

Мессер Консальво. Сделайте милость, призовите его сюда, дабы я мог дойти до сути сего дела.

Латтанцио. Будь по-вашему. Кум, не соизвольте ли сойти к нам ненадолго?

Мессер Джаннино. Сударь, позвольте нам довести до конца начатое.

Верджилио. Послушаем его, хозяин: будь что будет.

Капитан. Уймись хоть на самую малость.

Латтанцио. Вот и сам старик, ваша милость.

Гульельмо. Чем могу служить, синьор?

Мессер Консальво. Боже правый! Что я вижу?! Прежде чем я начну свои расспросы, откройте мне, дражайший, ваше имя.

Гульельмо. Почто оно вам?

Мессер Консальво. Сказать по чести, вы весьма похожи на моего брата, коего не видал уж много лет. Вы точно на одно лицо.

Гульельмо. О мессер Консальво! Брат! Гнев затуманил мне рассудок. Я не признал вас сразу. Что за счастливый случай привел вас в Пизу?

Мессер Консальво. Любезный брат, как я рад нашей встрече! Я уже и не чаял застать вас в живых.

Мессер Джаннино. Что значат все эти восторженные объятия? Что за мессер Консальво? Кто таков? Постой, постой. О Боже! Одному Тебе все ведомо. Не откажите в любезности, сударь, назовите, какого вы рода?

Мессер Консальво. Зачем вам?

Мессер Джаннино. Сделайте милость. Сейчас узнаете.

Мессер Консальво. Труд невелик. Мессер Консальво Молендини из Кастилии к вашим услугам.

Мессер Джаннино. Святый Боже! А кем приходится вам сей старец, коего заключили вы в объятия?

Мессер Консальво. Долгие годы мы не видались. То брат мой.

Мессер Джаннино. Педрантонио? Держи мой меч, Верджилио. О возлюбленные отец и дядя! Перед вами ваш Иоандр!

Гульельмо. Иоандр, ты ли это? Дитя мое! Сынок! Позволь на радостях обнять и расцеловать тебя!

Мессер Джаннино. Дядюшка!

Мессер Консальво. Ненаглядный мой племянник, вот уж не думал, не гадал!

Гульельмо. Отложите ваш меч, кум Латтанцио! Конец вражде.

Капитан. Так это Педрантонио? Какая радость! Неужто не признаете меня? Ведь я Франсиско де Маррада.

Гульельмо. И впрямь, а до того, сколько ни встречал вас в Пизе, ни разу не распознал. Безмерно счастлив. Не сочтите за труд, велите унести мечи: я хотел бы покончить с этим спором полюбовно.

Капитан. Синьоры, прошу сложить оружие в доме и собраться снова в знак полного примирения.

Латтанцио. С превеликой охотой. Пошли.

Мессер Джаннино. Идите. Вскорости вас нагоню. А куда хочу немного побыть с отцом и дядей.

Испанец. Добро.

Немец. Пойти тринкен стаканчик в дом капитан.

Капитан. Входите, синьоры.

Мессер Джаннино. Первым делом, батюшка, прошу покорнейше простить меня за то оскорбительное сумасбродство, что выказал я, не подозревая, кто передо мной.

Гульельмо. Позволь и мне раскаяться за то, что воспылал к тебе такой ненавистью.

Мессер Консальво. Будет вам терзаться угрызениями, ведь вы друг друга не узнали.

Мессер Джаннино. Да и как тут распознать, коли долгих семь лет мы провели в разлуке.

Мессер Консальво. Отчего же, Педрантонио, вы не остались в Генуе, как поначалу мне обещали?

Гульельмо. Сей город показался мне сущим Вавилоном, в коем не укрыться от посторонних глаз.

Мессер Консальво, поведайте скорее, что случилось с моей дочкой Джиневрой?

Мессер Консальво. Увы, Педрантонио! Тому уж много лет, как стряслось великое несчастье.

Гульельмо. О Боже! Что за злая участь!

Мессер Консальво. Когда Джиневра вошла в тот возраст, в коем девушке пристало думать о замужестве, посватался за нее некий Ферранте ди Сельваджо, по правде говоря, юноша весьма благопорядочный. Однако он принадлежал к враждебному нам роду и получил от меня твердый отказ. Тогда этот изменник выкрал Джиневру под покровом ночи, приневолил ее сесть в лодку и был таков. С того дня о них ни слуху, ни духу.

Гульельмо. Помилуй Бог! Что я слышу. Видно, судьбе угодно омрачить сладостный миг нашей встречи. Несчастливая Джиневра! Я так лелеял мечту снова увидеть ее!

Мессер Джаннино. Стало быть, мне не суждено свидеться с сестрой? Ах, злосчастливая судьба!

Мессер Консальво. Былого уж не вернуть, а грядущего не миновать.

Гульельмо. Что же подвигло вас, мессер Консальво, направить свои стопы в Пизу?

Мессер Консальво. Сейчас узнаете. Видя, что годы мои неумолимо идут на убыль, и окончательно потеряв всякую надежду на возвращение племянницы и брата, хотя вот уже четыре года, как с вас снято клеймо изменника, порешил я отправиться в Рим, дабы склонить Иоандра вернуться в отчий дом и вступить в права наследника, покуда я еще жив. По пути я завернул в Пизу, ибо сей город мне весьма люб.

Гульельмо. А ты, Иоандр, что ты здесь делал столь продолжительное время? И отчего сменил имя на мессера Джаннино?

Мессер Джаннино. Об имени своем, отец, скажу лишь, что и сам не заметил, как в папской курии вместо Иоандра стали меня величать мессером Джаннино. Увы, обычай этот — опрощать благородные имена — весьма прижился в Италии. Не стану скрывать от вас, батюшка, как очутился я в Пизе. В сей город я прибыл волею судеб, сопровождая папу Климента из Марселя. Когда ж завидел в окошке вашего дома ту самую девицу, кою вознамерились вы предать смерти, то воспылал

к ней такой страстью, что положил задержаться в городе некоторое время. Чувство мое оказалось столь пылким, что, позабыв обо всем на свете, я оставил папскую службу, на коей провел уже немало лет, и обосновался в Пизе, дабы рано или поздно заполучить Лукрецию в жены. Однако она была со мной несказанно холодна. Кому, как не вам, ведомо, сколько раз просил я ее руки, но вечно слышал одни отказы. Теперь же, отец, прошу вас сказать начистоту, истинно ли она согрешила: ежели да, то вместе с вами покараю ее; буде же она невинна, умоляю вас отдать мне ее в жены, ибо, хоть мне и причитаются шестьсот скудо дохода, я все одно не намерен принимать сан.

Гульельмо. Сгрешила ли она? Я самолично застиг ее с этим пакостником слугой. Неужто полагаешь, что я подверг бы ее подобной каре, будь она безгрешна?

Мессер Джаннино. Я рассудил, что все это могло вам померещиться и дело нуждается в проверке.

Гульельмо. Какое! Все обстоит именно так, как я сказывал.

Мессер Джаннино. Ах, негодница! Уж я сам с нею посчитаюсь.

Гульельмо. Куда вернее было бы, Иоандр, последовать за папской свитой или возвратиться в отчий дом, нежели отдаваться во власть этакой изменницы.

Мессер Джаннино. Отец, припомните свои молодые годы. Тогда, быть может, вы меня простите.

Гульельмо. Что не намерен быть священником — хвалю, имей ты хоть все двести тысяч дохода: в курию я отправлял тебя не для того, чтоб ты сделался святошею, сиречь никчемным лоботрясом. Иначе кто бы со временем унаследовал наше богатство?

Мессер Консальво. Я и поныне так разумею.

Гульельмо. Станем мы прочить тебе в жены выкупленную невольницу!

Мессер Джаннино. А разве не принадлежит она к одному из знатных родов Валенсии?

Гульельмо. По ее заверениям, так оно и есть. Она происходит из рода Куартильи. Однако ж она была рабыней.

Мессер Джаннино. Последнее не суть важно, кабы не пала она так низко. Тем хуже для меня, если не отомщу ей!

Гульельмо. Месть, должно статься, уже свершилась, ибо с час назад я велел Маркетто извести ее особым зельем. Сюда идет брат Керубино. От него обо всем и прознаем.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гульельмо, брат Керубино, мессер Джаннино, мессер Консальво и Маркетто.

Гульельмо. Что пленники, брат Керубино? Приняли они питье?

Брат Керубино. Приняли, мессер. Я же не припомню иного случая, могущего вызвать во мне столько сострадания. До сих пор не в силах удержать слезы.

Гульельмо. Что так?

Брат Керубино. Полагаю, ни один мученик не шел на смерть с такой стойкостью и пылом, с какими пошли на нее оба узника. Едва завидев роковое питье, они переменялись в лице и стали утешать друг друга столь ласково и нежно, что привели меня в крайнее смятение. Каждый хотел первым приложиться к смертоносной чаше; каждый обливался слезами более из жалости к любимому, нежели к себе самому. Наконец, улучив минуту, девица выхватила чашу из рук юноши и жадно припала к ней. Когда бы юноша силою не вырвал у нее сей кубок, она осушила бы его до дна, дабы не оставить ему ни единой капли. Затем они крепко обнялись, насколько позволяли их оковы. Так и оставил я их принять смерть с легкой душой.

Мессер Джаннино. Ах, плутовка! По-вашему, стало быть, она его любила? Что ж, поделом ей!

Брат Керубино. Да, вот еще: девица Христом-Богом заклинала меня упросить вас, Гульельмо, оказать ей перед смертью последнюю милость — выслушать ее короткую исповедь, а там, дескать, ей и смерть нипочем. Уж так горячо умоляла, что и словами не передашь.

Гульельмо. И не подумаю.

Мессер Консальво. Сжальтесь над ней, Педрантонио. Право, что вам стоит.

Мессер Джаннино. Дядя верно говорит. Послушаем, что нам скажет эта шельмица.

Гульельмо. Так и быть, уважу ее просьбу. Но только ради вас. Войдем в дом или выслушаем ее прямо здесь?

Мессер Консальво. Лучше здесь, дабы пуще усостыжить ее. А кто появится — укроемся в доме.

Гульельмо. Быть по сему. Маркетто!

Маркетто. Слушаю, синьор!

Гульельмо. Ступай сюда.

Брат Керубино. Коли во мне нет больше нужды, отправлюсь, пожалуй, в монастырь.

Гульельмо. Превеликое вам спасибо. Путь добрый.

Маркетто. Вот и я, хозяин. Чего изволите?

Гульельмо. Приведи сюда Лукрецию как есть, закованную в кандалы.

Маркетто. Будет исполнено. О хозяин, дельце наше я так обтяпал, что и комар носа не подточит.

Гульельмо. Пошевеливайся, тебе говорят. Кабы знали вы Лукрецию, никогда бы не помыслили о ней такое. Казалось, это сама добродетель.

Мессер Джаннино. Не счесть обещаний, даров, смиренных просьб, что расточал я этой злодейке... Однако она оставалась глуха к моим мольбам.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гульельмо, Лукреция, мессер Консальво, мессер Джаннино и Маркетто.

Гульельмо. Явилась, бесстыжая!

Лукреция. Ах, Гульельмо, окажите последнюю милость, исполните мою предсмертную волю — выслушайте меня, сдержав на время свой гнев, и тогда вы поймете, что перед вами вовсе не бесчестная и не злодейка.

Мессер Джаннино. Что можешь ты сказать в свое оправдание, несчастная? Меня ты променяла на какого-то Лоренцино?

Лукреция. Коли выслушаете, увидите и вы, мессер Джаннино, что гневаетесь на меня понапрасну.

Мессер Консальво. Послушаем ее. Невелика услуга.

Гульельмо. Сказывай, что надумала.

Л у к р е ц и я. Наперед всего знайте, Гульельмо, что тот, кого вы принимаете за Лоренцино, вашего слугу, равно со мною знатен и уже много лет приходится мне законным супругом. С той поры, как мы обвенчались, и до его прихода в ваш дом я ни разу с ним не видалась. В сказанном мною вы можете увериться хотя бы потому, что открыть свою тайну я решилась лишь после того, как испила из смертной чаши, дабы не мелькнула у вас мысль, будто выгораживаю себя, страшась смерти. Сейчас же, когда участь моя неотвратима, вы не можете усомниться в искренности моих слов. Умоляю вас поверить мне.

Г у л ь е л ь м о. Как у тебя только язык поворачивается, лгунья! Вспомни-ка, что ты плела, когда приютил тебя под своим кровом: будто похитили ее из родимого дома, что под Валенсией; чуть ли не из рук родной матушки вырвали. А уж супруга и в помине никакого не было.

Л у к р е ц и я. Слукавила я тогда. Родом я вовсе не из Валенсии, и звать меня не Лукрецией. Притворствовала я для того, чтобы вы не повестили моего дядю, признав меня; ибо совестно мне было за то, что бежала из родительского дома вместе с моим суженым, коего зовете вы Лоренцино.

Г у л ь е л ь м о. Чего же было совеститься, коль он муж тебе, как ты уверяешь?

Л у к р е ц и я. Полагала я, что не поверит мне дядя, ежели не представлю в свидетели моего мужа, коего почитала павшим от рук похитивших меня сарацинов. Так и таилась я до сей поры.

Г у л ь е л ь м о. Тогда что за охота была бежать из родимого дома?

Л у к р е ц и я. Дядюшка мой ни в какую не соглашался отдать меня за него. Потому и обвенчались мы тайком. С того самого дня я дала обет не знать более ни одного мужчины, кроме него. Кому, как не вам, должно быть ведомо: первое, о чем просила я вас, попав в ваш дом, было скорее убить меня, чем заговаривать о моем замужестве. Тысячу раз согласилась бы я умереть, нежели стать добычей другого мужчины.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Боже! Сердцем предчувствую такое, что и не вымолвить.

Г у л ь е л ь м о. А этот твой новоявленный супруг,

как он очутился в моем доме и отчего не открылся сполна?

Лу к р е ц и я. Он полагал, что веры ему все равно не будет, вот потому и надумали мы тайно уехать под покровом ночи. Только судьба по-иному расположила.

Г у л ь е л ь м о. Так расположила, что не сладилось у вас извести вашего благодетеля, гнусные мошенники!

Лу к р е ц и я. Подобного мы и в мыслях не держали. Верно лишь то, что Лоренцино, как он вам и признался, готов был защитити меня от любого, кто взялся бы нам помешать.

Г у л ь е л ь м о. Тебя послушать, так выходит, что не было еще на свете женщины более целомудренной и более постоянной в любви, чем ты. Только все одно я тебе не верю.

Лу к р е ц и я. Заклинаю вас, Гульельмо, если вы и впрямь любили меня как дочь, окажите последнюю милость в мой предсмертный час, поверьте мне, ибо сказанное мною — чистая правда. И открылась я вам единственно для того, чтобы не таили на меня обиды несправедной, а, буде представится такая оказия, засвидетельствовали мою безгрешность и целомудренность всей моей родне, а наипаче дядюшке, через коего и мой ненаглядный братец обо всем прознает. О батюшке не стану просить, ибо ведать не ведаю, где он.

Г у л ь е л ь м о. Как же я исполню твою волю, коль не услышал еще, какого ты роду-племени и кто твой дядя?

М е с с е р Дж а н н и н о. Отец, послушайте. Я почти уверен, что это Джиневра.

Г у л ь е л ь м о. Боже правый!

М е с с е р Дж а н н и н о. Ответь нам, из каких ты мест и как величали твоего отца?

Лу к р е ц и я. Педрантонио Молендини из Кастилии.

М е с с е р Дж а н н и н о. Джиневра, сестрица милая, вот твой отец и дядя. Я же твой родной брат.

Г у л ь е л ь м о. Доченька!

М е с с е р К о н с а л ь в о. Драгоценная моя племянница!

Лу к р е ц и я. Возлюбленный батюшка, бесценный дядя, брат любезный! Теперь и умереть не страшно!

Г у л ь е л ь м о. Ах, несчастный старик! Жалкий го-

ремыка! О, злосчастная судьба, что в одночасье вернула мне дочь и моими же руками лишила ее жизни! О-хо-хо-хо!

Лукреция. Не печальтесь, батюшка, не лейте горьких слез, ведь я умираю со спокойной душой. Перед смертью сподобилась я лицезреть дорогих моему сердцу родичей, о чем мечтала долгие годы. Теперь моя невинность ясна всем. Да и любимый мой муж, Ферранте ди Сельваджо, с готовностью отправится со мной в последний путь.

Гульельмо. Джиневра, дочь моя, прости своего горемычного отца за те обиды и унижения, что снесла от меня.

Мессер Консальво. Не время сейчас слезами заливать, Педрантонио. Пошлем не мешкая за врачом, дабы сыскал он противоядие.

Гульельмо. Матерь Божья! Слишком крепкий отвар заготовил для меня маэстро Гвиччардо! Однако попытка не пытка. Живее, Маркетто, хоть из-под земли достань мне маэстро Гвиччардо и сейчас веди его сюда: дело, мол, наипервейшей важности.

Маркетто. Вмиг обернусь; он, поди, в лавке аптекаря Грегорио. А, чтоб вас всех! Невелика охота нестись сломя голову. Однако надо, хоть снадобьем здесь уж вряд ли пособишь.

Гульельмо. Ступай в дом, Лукреция. Прилягте вместе с Ферранте: пусть хорошенько прошибет вас пот. Вскоре подоспеет лекарь и чем возможно вас пользует.

Мессер Джаннинно. Позволь, я сниму с тебя оковы, сестрица.

Лукреция. Все исполню, как вы велели. И помните, коль не изыщете вы способа исцелить нас, мы умрем безропотно.

Гульельмо. Чего только не творит с нами фортуна, мессер Консальво! В единый миг бросает нас то в жар, то в холод.

Мессер Консальво. Ни разу не встречал я на своем веку такого постоянства и преданности, какие выказывает Джиневра.

Мессер Джаннинно. Лишь бы поскорей явился маэстро Гвиччардо.

Гульельмо. Вот и он. Мчится что есть духу. Помогите, Господи!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мессер Джаннино, маэстро Гвиччардо, Гульельмо, мессер Консальво и Ствацца.

Гульельмо. Добро пожаловать, любезнейший!

Маэстро Гвиччардо. Бог в помощь. Что за напасть у вас тут приключилась? Маркетто прилетел за мной, не чуя под собой ног.

Гульельмо. Полагаю, вы помните, уважаемый маэстро, как нынче утром я излил перед вами душу?

Маэстро Гвиччардо. Как не помнить. Вы еще просили прознать о вашем сыне, когда прибуду в Рим.

Гульельмо. Истинно так. Теперь же фортуне угодно было разом обрадовать и ввергнуть меня в отчаяние. Сегодня она открыла мне, что этот юноша — мой сын, которого я числил в Риме. А рядом с ним — мой брат.

Маэстро Гвиччардо. Весьма тронут столь счастливым исходом вашего дела. Стало быть, это и есть мессер Консальво? Едва признал вас, а ведь когда-то водили дружбу. Дозвольте вас обнять.

Мессер Консальво. Теперь и я узнал вас, маэстро Гвиччардо.

Маэстро Гвиччардо. Мессер Джаннино, поздравляю от души, ибо всегда любил вас как родного сына.

Мессер Джаннино. Я же вечно буду почитать вас как отца.

Гульельмо. Увы, маэстро, еще не услышали вы самого главного. Недолго я радовался. По воле рока, часом ранее до сказанного мной известия, я опоил отваром, что приготовили вы по моей просьбе, девицу, живущую в моем доме. Позже стало мне известно, что девица эта — не кто иная, как дочь моя Джиневра. А молодчик Лоренцино, с коим я застал Джиневру, — ее законный муж. Обо всем потолкуем мы в доме, ибо промедление сейчас подобно смерти. Верно, вы уж догадались, что мне от вас надобно: изыскать, поелику возможно, противоядие от губельного питья.

Маэстро Гвиччардо. Поистине, судьба благоволит этому человеку! Неслыханное дело! Я точно чувствовал: сбудется нечаянная радость! Благодарите вашу благосклонную фортуна!

Мессер Джаннино. О чем это вы, маэстро?

Маэстро Гвиччардо. О том, что вы родились под счастливой звездой!

Гульельмо. Не тяните же, умоляю, отчего под счастливой?

Маэстро Гвиччардо. Когда сегодня вы пожаловали ко мне заполучить означенное питье, смекнул я, что не в силах отворотить вас от столь безжалостного умысла, ибо весь вы прямо кипели негодованием; и что, поостыв, вы наверняка раскаетесь в содеянном. Посему я и вручил вам безвредное питье в надежде вернуться к этому делу, когда страсти поулягутся. Ежели бы и тогда продолжали вы стоять на своем — делать нечего, дал бы вам настоящее зелье. Только сердце говорило мне, что вы всенепременно раскаетесь.

Гульельмо. О Вседержитель! Что я слышу!

Маэстро Гвиччардо. Доподлинно вам говорю: отвар, что получили вы от меня, скорее пойдет им на пользу, чем во вред.

Гульельмо. О небо! Большого утешения я и ждать не мог!

Мессер Джаннино. О, благодный день, я буду помнить тебя, куда жив!

Мессер Консальво. Вот счастья-то нам нынче!

Гульельмо. Досточтимый маэстро, не стану говорить громких слов. Я почитаю себя в таком долгу перед вами, что не успокоюсь, пока не оплачу хотя бы малой его доли.

Мессер Джаннино. Я же вечно буду для вас любящим сыном.

Мессер Консальво. А мы, маэстро, обойдемся без церемоний: слава Богу, не первый год друг друга знаем.

Маэстро Гвиччардо. Благодарю вас всех и принимаю ваши обещания на случай особой нужды. Пока же, видя, что дело ваше сладилось ко всеобщему удовольствию, хотел бы просить вас об одной милости, но не в службу, а в дружбу; да и то коли сочтете мою просьбу приемлемой для вас.

Гульельмо. Исполним все, что в наших силах.

Мессер Джаннино. И я того же мнения. Сказывайте вашу просьбу.

Маэстро Гвиччардо. Размыслил я, что, имея одного-единственного сына, вы не позволите, чтобы он и

далее жил холостяком-отшельником. Буде же вознамеритесь приискать ему жену, коль скоро он сам того пожелает, помните, что есть у меня единородная дочь, которую со всем моим наследством хотел бы ввести в ваш дом. Не ведая еще, кто его родитель, именно на вашем сыне остановил я выбор, как ему известно. Да и сами вы, должно быть, памятуете, что в нашем утреннем разговоре о мессере Лигдонио Караффи я раскрыл вам душу на сей предмет.

Мессер Джаннино. На том и порешим, коль будет ваша воля, отец.

Гульельмо. Ничто так не порадовало бы меня. Однако не подложу ли я свинью мессеру Лигдонио, который уговорил меня быть посредником в этом дельце?

Мессер Джаннино. Да мессеру Лигдонио на это чихать. На худой конец, уступим ему все мои бенефиции: как-никак шесть сотен скудо годового прибýtка, да и в пенсоне они зачтены; а поскольку годами он меня обошел, для него это самая что ни на есть выгодная сделка будет.

Гульельмо. Верно сказано. Помнится, он и сам не раз намекал, что не прочь стать священником, а жениться надумал единственно ради приданого.

Мессер Джаннино. Посему даю слово маэстро Гвиччардо.

Гульельмо. На том и поладим.

Мессер Джаннино. Вашу руку, маэстро Гвиччардо. Отныне мы родня. Завтра же, не оттягивая, сыграем свадьбу.

Маэстро Гвиччардо. Как вам будет угодно. Вот уж дочь возрадуется нашему уговору.

Мессер Джаннино. По рукам. Иначе и не взял бы ее.

Маэстро Гвиччардо. К вечеру отряжу за ней в монастырь, в коем она дожидается моего возвращения из Рима.

Мессер Джаннино. Всенепременно.

Маэстро Гвиччардо. Позвольте, а отчего вы без плаща? Давно уж собирался спросить вас.

Мессер Джаннино. Обо всем сведаете вы в доме.

Гульельмо. Прошу, синьоры.

Мессер Джаннино. Я тем временем отправлюсь к капитану, чтобы замирился с остальными; там, поди, уж меня заждались.

Гульельмо. Пожалуй, и я присоединюсь к ним, как главный виновник раздора. Ступайте в дом, маэстро, и объявите добрую весть Джиневре и Ферранте, кои уж приготовились к смерти. Вскорости воротимся и мы.

Маэстро Гвиччардо. Жду вас в доме.

Гульельмо. Сынок, радость и веселье переполняют мне сердце!

Сгвацца. Дошло до меня, будто стычке шабаш, и родичи все, как один, друг друга отыскивали. Я не я буду, ежели этакую оказию прохлопаю. Тут, видно, свадьба навертывается. А пока отбрехаюсь как-нибудь: мол, у меня и в мыслях не было удирать.

Мессер Джаннино. Пришли. Заходите первым, отец.

Сгвацца. Глянь-ка, входят в дом капитана. Мессер Джаннино, мессер Джаннино! Эй, эй! Дозвольте слово молвить. Рад-радехонек за вас. Только не подумайте, что я со страху дал тягу.

Мессер Джаннино. После драки кулаками не машут. Прости-прощай, Сгвацца. Чуть паленым запахло, так сразу наутек?

Сгвацца. Ха! Точно. Только не наутек, а в укромный уголок. Хотел я, значит, садануть по неприятелю из арбалета так, чтоб надолго запомнили Сгваццу. Однако поведайте и мне, чем дело кончилось.

Мессер Джаннино. Ладно, заходи. Сам все узнаешь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Аньолетта, одна.

Аньолетта. Эй, синьоры, не возвращался ли мессер Джаннино? Молчите? Не хотите заговаривать со служанкою в присутствии хозяек? Так и быть, сама постучу: коли он дома — сбегая скоренько за гостинцем. А потом стремглав в монастырь к Маргарите. Бедняжке, поди, не терпится узнать, как-то там ее гостинец.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Аньолетта и Корнаккья.

Аньолетта. Тук-тук-тук!

Корнаккья. Кто? Кто там? О! Помилуй Боже! Аньолетта! Вот прорва! Лавочка закрыта.

Аньолетта. Да я не за тем. Это мы на завтра отложим. Скажи-ка лучше, воротился мессер Джаннино аль нет?

Корнаккья. Нет, как не было, утробушка ты моя ненасытная.

Аньолетта. Тогда прощай. До завтра, что ли?

Корнаккья. А то нет! Ужо покатаемся да поваляемся всласть!

Аньолетта. И где его только черти носят? Видно, до завтра погодить придется.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сгвацца и Аньолетта.

Сгвацца. Ха-ха-ха! Ой, моченьки моей больше нет! Хоть помирай от радости! Ха-ха-ха!

Аньолетта. Вот разошелся, чумовой, прямо с ног валится от хохота. А ну как я от него что сведаю?

Сгвацца. Прам-пам-пам! Прам-пам-пам! Ха-ха-ха! Вот счастья-то привалило, просто спятить можно!

Аньолетта. Что за околесицу он несет?

Сгвацца. Отныне мне сам черт не брат. Вот уж растешусь-разгуляюсь, покучу-пображничаю! Поесть, поплясать — против нас не сыскать. Эх! Попадись мне сейчас под шалую руку кто-нибудь из этих подлых монахов, кои только и знают, что предписывать всякие посты да воздержания, уж я бы ему такую затрепину отвесил — мигом в райские кущи отлетел бы. Ах, животинушка ты мой распузатистый! Приспело твое времечко, шельмец! Ах ты, глотушка моя заглотущая! Знай себе уплетай, пируй — не горюй! Ах, зубушки-кльчки, наостритесь пуще железа каленого! Ой ты,

брюхо, уминай чего попало — чтоб за ушами трещало! Вы только послушайте, достопочтенные синьоры. Послушайте и вы, любезнейшие дамы, — прекрасные, нежные, сахарные, налитые, свежие, цветистые, игристые. Мессер Джаннино, а по-теперешнему Иоандр... ха-ха-ха!.. до того раздобрился, что поить-кормить меня от пуза обещался. А Гульельмо, сиречь Педрантонио, определил меня дворецким и вдобавок ключником аж на целых пятнадцать деньков, ибо намерен задать пир на весь мир.

А нь о л е т т а. Да что он такое заливает? Виданное ли дело? Не прослушать бы чего важного.

С г в а ц ц а. Ну, что скажете, сударыни? Оборотитесь ко мне. На что вы там засмотрелись? Полюбуйтесь-ка лучше на меня, не прогадаете. Каков? Эх! Яблочки вы мои наливные! Кто напоит меня своими спелыми соками? Так бы всех вас и перепробовал! Однако пора мне к мессеру Лигдонио. Объявлю ему славную весть: кое-кто намерен отказаться в его пользу от дохода в шесть сотен скудо. Уж он-то сумеет ими распорядиться! И мяснику, и птичнику, и бакалейщику — всем перепадет. Быть ему священником. А больше я вам ничего не скажу.

А нь о л е т т а. Вот те раз! Откроюсь, пожалуй. Эй, Сгвацца! Почто такой развеселый нынче?

С г в а ц ц а. А по то, красавица, что потискать мне тебя нравится.

А нь о л е т т а. Ишь распетушился! Играй, играй, а рукам волю не давай!

С г в а ц ц а. Тоже мне недотрога. Этакие грудки-яблочки да не цапнуть!

А нь о л е т т а. Отвяжись, кому говорят. Я тебе и с голодухи не потрафлю.

С г в а ц ц а. Ого! А они у тебя ничего, крепенькие. Ответь-ка, Аньолетта, как на духу: который тебе годок?

А нь о л е т т а. Когда уезжала из Монтальчино, — об эту пору там уж испанцы стояли, — как раз шестнадцатый пошел.

С г в а ц ц а. Ха! И что ж ты там подельвала?

А нь о л е т т а. Ха-ха! Да я родом из этих мест.

С г в а ц ц а. Стало быть, жила там под испанцами?

А нь о л е т т а. Пару месяцев.

С г в а ц ц а. Ну, коли под испанцами, то дело ясное.

А н ь о л е т т а. Кому ясное, а кому ненастное. Я-то, между прочим, убереглась. А вот бабьему нашему сословию несладко пришлось бы, когда б не вытурил испанцев французский маркиз.

С г в а ц ц а. Ладно. Мне пора.

А н ь о л е т т а. Постой, скажи прежде, что слышно новенького?

С г в а ц ц а. Нынче отыскались пропащие сородичи. Что еще? Не далее как завтра гулять тебе на свадьбе: маэстро Гвичхардо просватал Маргариту.

А н ь о л е т т а. Как так просватал? За кого?

С г в а ц ц а. За мессера Джаннино.

А н ь о л е т т а. Матерь Божья! Да ну? Теперь дело за тем, изъявит ли он согласие.

С г в а ц ц а. Согласие? Да он ждет не дождется, чтоб завтра сыграли свадьбу.

А н ь о л е т т а. Боже милостивый! Ну и поворот. Намедни он и слышать об этом не хотел! Уж я-то знаю. Эй, Сгвацца, а ты, часом, не брешешь?

С г в а ц ц а. Пес брешет, а я говорю как есть.

А н ь о л е т т а. Не верю я тебе, и все тут.

С г в а ц ц а. Хочешь — верь, хочешь — нет, — дело твое. Пора мне, а то из-за тебя с мессером Лигдонио не свижусь.

А н ь о л е т т а. Слушай, скажи: неужто правда?

С г в а ц ц а. Правдивее не бывает! Довольно или еще повторить?

А н ь о л е т т а. Пресвятые угодники! Вот радости-то!

С г в а ц ц а. Прощай, Аньолетта.

А н ь о л е т т а. Прощай.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

А н ь о л е т т а, одна.

А н ь о л е т т а. Ну, запляшет от радости Маргарита, когда обо всем прознает! Воздалось ей за упорство и твердость, пришел конец ее страданиям, что терпе-

ла до сих пор; отныне вместо охов да вздохов будут всё лобзания да объятия; отныне ее постоянство в любви станет всему миру примером. Дамы, будьте столь же постоянны в ваших помыслах, как и Маргарита, а уж в дальнейшем не сомневайтесь. Влюбленные, не впадайте в отчаяние от превратностей судьбы, терпеливо сноситесь невзгоды, покуда и для вас не настанут благие времена. Ну да будет с вас. Я же поспешу к Маргарите: ох, не терпится обрадовать ее столь счастливым известием.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Мессер Лигдонио и Сгвацца.

Мессер Лигдонио. Вот получу шесть сотен дохода, провалиться мне на этом месте, Сгвацца, заживу как настоящий пизанский дворянин. Однако скажи на милость: с чего это они так расщедрились?

С г в а ц ц а. Неужто вы того не заслуживаете? Сами обо всем у них и разузнаете.

Мессер Лигдонио. Вот что я тебе скажу, Сгвацца. Покуда я жив, за моим столом ты желанный гость. А случится, помру, так завещаю родичам, чтоб ты ни в чем не знал нужды.

С г в а ц ц а. Для полного счастья только этого мне и не доставало. Эх, Сгвацца, Сгвацца! Гуляй — не хочу!

Мессер Лигдонио. Да и мне счастье улыбнулось: лучше не придумаешь. Кабы и женился я, то не по охоте, а чтобы разбогатеть. А теперь куда как славно: ни жены, ни хлопот, зато мощну потуже набью. О, блаженство! Вот бы поскорее поведать обо всем моему Панцане.

С г в а ц ц а. А куда это он запропастился?

Мессер Лигдонио. Хлопочет насчет ужина.

С г в а ц ц а. У меня уж слюнки текут.

Мессер Лигдонио. А мне не терпится войти в дом Гульельмо.

С г в а ц ц а. Отчего не войти. Правда, не знаю, вернулись ли Гульельмо и мессер Джаннино.

Мессер Лигдонио. А где они?

С г в а ц ц а. Бражничают у капитана. Замирились кое с кем, вот и празднуют это событие. Я тоже приложился с ними за компанию. Однако войдемте в дом: сказывали мне, будто бы и маэстро Гвиччардо там.

М е с с е р Л и г д о н и о. Пошли.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Г у л ь е л ь м о, капитан (говорит по-испански)
и м е с с е р Д ж а н н и н о.

Г у л ь е л ь м о. Прошу всех присутствующих, из уважения ко мне, а также в знак полнейшего примирения, облобызать друг друга прямо здесь, на улице.

К а п и т а н. Изрядно сказано, Гульельмо! Милостивые государи, за дело!

М е с с е р Д ж а н н и н о. Прекрасно! Я первый и начну. А вы за мной!

Следует чинный мавританский танец с поцелуями.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

К а п и т а н (говорит по-испански), немец, мессер
Д ж а н н и н о.

К а п и т а н. Душевно рад вашему братанию. Да хранит Господь сей дружеский союз!

Н е м е ц. Танцуй, плясай, мессер Ианнин. Плясай да полнее наливай.

М е с с е р Д ж а н н и н о. Веселее, друзья! Больше жару!

Следует неистовый мавританский танец.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Немец, мессер Джаннино, Латтанцио, испанец,
(говорит по-испански).

Немец. Эх, жарь, плясай, играй! Тир-лу-лу, тир-лу-лу! Веселъей, не робъей!

Мессер Джаннино. Смелее, ублажим мессера Иоханна!

Латтанцио. Ублажим!

Испанец. Бей, бей в барабан!

Следует буйная пляска.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Гульельмо, Латтанцио, капитан и испанец (говорят по-испански).

Гульельмо. Полно, синьоры, полно! А теперь все к нам. Закатим празднество вместе с Джиневрой и Ферранте да пошлем за Маргаритой. Дело идет к свадьбе. Вперед, синьор капитан! Прошу вас, синьоры. Поспешай, куманек!

Капитан. Весьма охотно. Вперед!

Латтанцио. Пошли.

Испанец. За мной.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Сгвацца, один; обращается к зрителям.

Сгвацца. Достопочтенная публика, не ждите, что сегодня мы еще выйдем из дома. В монастырь за Маргаритой мы отправимся ночью с факелами. Если кто-нибудь из вас, сударыни, удостоит нас своим присутствием на званом ужине, то мы примем всех с дорогой душой и даже на венецианский манер, коль пожелаете. Приходите — не пожалеете. Но только без кавалеров,

предупреждаю наперед. А не придете, так не беда: помните о преданных вам «Оглушенных» и неизменно благоволите к ним, милые дамы. На том и деле конец. Если же кто из помянутых кавалеров станет хулить нашу комедию, ущипните его за язык ножничками для рукоделия. Ну а коли представленная комедия пришлась вам по нраву, так веселитесь, ибо стоит лишь вам развесть, как все кавалеры разом последуют вашему примеру. Прощайте.

К о н е ц к о м е д и и